

В.И. Байдин

**КАК ПОЗНАКОМИЛИСЬ АКИНФИЙ НИКИТИЧ
С КИРИЛЛОЙ ДАНИЛОВИЧЕМ: ВЕРСИЯ О ПРЕБЫВАНИИ
КИРШИ ДАНИЛОВА В СИБИРИ И ЕГО ВСТРЕЧАХ ТАМ
С А.Н. ДЕМИДОВЫМ**

В дошедшей до нас копии «Древних российских стихотворений» 1780–х гг. – знаменитого Сборника Кирши Данилова (далее – Сборник) – начальный лист утрачен, и о том, что там стояло имя Кирши, известно со слов первого публикатора части Сборника А.Ф. Якубовича, приведенных К.Ф. Калайдовичем в предисловии ко второму, уже с нотами, изданию 1818 г. Долгое время сведения об истории книги и биографии Кирши Данилова исчерпывались фразой (впервые полностью опубликованной только в издании Сборника Императорской публичной библиотеки 1901 г.) из обнаруженного профессором Московского университета С.П. Шевыревым в начале 1850–х гг. письма владельца Невьянского и других заводов на Урале П.А. Демидова от 22 сентября 1768 г., сопровождавшего посланную академику Г.Ф. Миллеру историческую песню: «Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которыя прошедшую историю поют на голосу»¹. Текст и ноты этой песни полностью совпадали с песней из Сборника «Никите Романовичу дано село Преображенское». Т.е. в 1768 г. оригинал Сборника уже существовал, а Прокофий Демидов, по-видимому, знал исполнителя песни, певца–потешника, сосланного за свои «истории» в Сибирь.

Архивные находки, сделанные крупнейшим современным исследователем творчества Кирши Данилова А.А. Гореловым и покойным екатеринбургским писателем-краеведом И.М. Шакинко в 1960–е и 1980–е гг.², развеяли все сомнения в существовании самого певца и позволили установить примерный интервал, в котором Сборник мог быть создан на письме: 1742–1768 гг.

Однако жизненный путь Кирши Данилова в целом оставался не проясненным, как и обусловленные этим вопросы о времени, месте создания Сборника, его авторстве и многие другие.

Разыскания, проведенные в архивохранилищах, библиотеках и музейных собраниях Москвы, Санкт–Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Тобольска, Перми, Нижнего Тагила и Барнаула,

анализ и интерпретация уже известных и вновь выявленных источников в сочетании с использованием реалий некоторых песен Сборника позволили мне, несмотря на прекрасно разработанную биографическую легенду беглого ссыльного и целых пять разных прозваний, фамилий и прозвищ: Данилов, Исаков, Никитиных (Никитин), Бобоша (Бобошин), Торопов, – окончательно идентифицировать Киршу Данилова в качестве молотового подмастерья, затем молотового мастера уральских демидовских заводов; в основных моментах реконструировать уральский период его биографии с середины 1730-х гг., определить годы жизни (ок. 1703–1776) и установить, что сборник «Древние российских стихотворения, собранные Киршею Даниловым» создан на Невьянском заводе, скорее всего, в 1761–1762 гг. Эти результаты хорошо соотносятся с отрывочными сведениями о Кирше, обнаруженными ранее А.А. Гореловым и И.М. Шакинко, и вполне объясняют имеющиеся в них неясности. Найдены также новые данные о предках и потомках Кирши Данилова, его окружении на родине в Среднем Поволжье и на востоке России, позволяющие поставить вопросы о воссоздании истории его рода певцов–скоморохов, о заказчиках и владельцах Сборника, о локализации отдельных входящих в него произведений и др.³

Документально удалось, в частности, подтвердить мнение, впервые высказанное К.Ф. Калайдовичем в предисловии ко 2-му изданию Сборника 1818 г., что имя Кирши встречается в одной из песен («Да не жаль мне добра молодца битова – жаль похмельнова»), «где он сам себя именует Кириллом Даниловичем». Так, по отчеству, с вичем, – а это свидетельствует о несомненном почитании таланта и уважения к нему, – называл Киршу Акинфий Никитич Демидов в обоих его, найденных И.М. Шакинко, письмах с упоминанием певца. Подобного демидовские приказчики удостоивались в редчайших случаях: тоже всего лишь в двух из известных мне нескольких десятков им адресованных писем и предписаний заводчика.

Некоторые как общие, так и частные соображения в отношении реконструкции предшествующего уральскому сибирскому этапа биографии Кирши Данилова мною уже публиковались⁴. В свете вновь выявленных и дополнительно привлеченных источников и связанных с ними новых интерпретаций содержания отдельных текстов Сборника, сейчас появилась возможность существенно дополнить эти построения, какие-то моменты уточнить или даже пересмотреть. Например, на уральских демидовских заводах Кирша по-

явился не в конце 1730-х гг., что можно было предположить, а раньше. В самом начале 1736 г. тогда еще молотовой подмастерье Кирилло Данилов упоминается в качестве свидетеля при расследовании предшествующей ограблению целовальника драки на кабаке Нижнетагильского завода как его постоянный житель и работник⁵. Тем самым на несколько лет сокращается срок пребывания певца в Сибири.

В настоящей работе не рассматривается период нахождения ссыльного Кирши Данилова в Тобольске. Во-первых, все партии сосланных в Сибирь на поселение или на каторгу (Кирша, без сомнения, принадлежал к первой категории) в первой половине XVIII в. прибывали сначала в Тобольск, откуда уже большинство их – нередко далеко не сразу, – рассылалось по другим местам. Только с 1760-х гг. сосланные в Сибирь начали поступать туда через Тюмень. Т.е. Тобольск являлся до этого времени «обязательным» пунктом в сибирской биографии фактически каждого ссыльного⁶. Во-вторых, видимо, именно в тобольском тюремном остроге в репертуар певца попала большая часть произведений и сюжетов с «крымско-турецкой» тематикой⁷, не говоря о присутствии в некоторых текстах Сборника явно «тобольских» деталей. Поэтому данный вопрос требует достаточно пространныго обоснования. И, забегая вперед, в-третьих, в Сибири пути А.Н. Демидова и Кирши Данилова пересекались, скорее всего, не в Тобольске.

Имеются все основания полагать, что большую часть своего пребывания в Сибири певец провел на демидовском Колывано-Воскресенском заводе на Алтае. На нем одном Кирша мог в тот период получить требующую минимум нескольких лет обучения рабочую квалификацию⁸, которая зафиксирована у него после появления на уральских предприятиях А.Н. Демидова. Даже пробелы в его профессиональной подготовке в качестве молотового мастера, отмеченные в источниках, вполне объясняются производственной спецификой медеплавильного Колывано-Воскресенского завода⁹.

А.А. Горелов особо подчеркивает: «В “Древних российских стихотворениях” есть мелочи художественного рисунка, исток которых – органическое бытовое мышление среды, занятой плавкой и обработкой металлов», и приводит примеры «уникальных характеристик предметного мира былин» из Сборника Кирши Данилова, неизвестных по другим фольклорным записям. Так, в былинах «О же-

нитьбе князя Владимира» и «Калин-царь» богатыри Еким Иванович и Илья Муромец в минуту опасности бросаются «до своей тяжкие палицы медные, *литы* (здесь и в следующем абзаце в цитатах Сборника курсив Горелова. – *В.Б.*) они были в три тысячи пуд»; царевич из былины «Царь Саул Леванидович» имеет палицу «медну, *литу* в триста пуд»¹⁰. Но однозначной «привязкой» Кирши к медеплавильному Кольвано–Воскресенскому заводу эти детали служить не могут. Разве только в качестве «первого впечатления». На Нижнетагильском заводе, на котором в целом прошло около двадцати лет уральского периода жизни певца (за вычетом времени «творческих командировок» в Соликамск, Тулу, побега в 1740 г. и т.п.), медеплавильное производство возникло не позднее 1734 г.¹¹ Хотя первоначально предприятие являлось доменным и молотовым. Рядом расположенный Выйский завод (где, как сейчас можно определенно утверждать, у Кирши имелось немало друзей–приятелей и родственников и где, видимо, он частенько бывал) строился в качестве медного. Вскоре он был перепрофилирован в преимущественно чугуноплавильный (до 1740-х гг.) и железоделательный, однако выплавка меди на нем сохранилась¹². Интересно отметить, что и в Нижнем Тагиле, и на Вые с 1740-х гг. по одному из двух имеющихся на каждом заводе малокричных молотов (в 1756 г. Кирилл Данилов проходит по документам именно малокричным молотовым мастером Нижнетагильского завода) размещались в тех же цехах, где плавил медь¹³. Судя по его специализации на уральских демидовских предприятиях, на Кольвано–Воскресенском заводе К. Данилов работал на производстве дощатой меди и достиг, скорее всего, должности дощатого подмастерья. Дощатые производства, по замечанию историка горнозаводской техники XVIII в., «по существу являлись теми же молотовыми, отличаясь от них главным образом отсутствием кричных горнов, вместо которых устраивались горны поменьше»¹⁴. На алтайском заводе «горн для нагревания х ковке меди» и водяной «молот железной для расковки меди со станком», на котором «тянули (расковывали. – *В.Б.*) на доски», и присылаемое с Урала железо также находились в «плавильной фабрике» рядом с пятью медеплавильными печами¹⁵. Правда, и на Кольвани, и на Выйском заводах в этих цехах получали черную медь (полуфабрикат), гармахерские горны для ее очистки и горны для выплавки чистой меди были в других помещениях. И только в Нижнем Тагиле в «плавильной», где размещался один из малокричных молотов, имелся полный цикл производства меди.

С точки зрения локализации ссыльного Кирши Данилова в определенный момент его биографии на Алтае гораздо более ценными представляются строчки из шуточно-скабрёзной песни «Стал почитать, стал сказывать»: «А князи... – / будто олово лют, / а бояра... – / будто медь волокут, / крестьяна.... – / будто землю орут!»¹⁶. В комментариях к последнему научному изданию Сборника сказано: «волочить медь – тянуть, вытягивать в нить, проволоку». Комментарий к «волочить медь» в академическом издании 1977 г. заимствован из издания 1901 г. под редакцией П.Н. Шеффера¹⁷. А.А. Горелов, приводя первые четыре строчки из указанной цитаты, в более общей форме пишет об «естественном образном рефлексе людей, повседневно участвующих в литейно-волочительном заводском производстве»¹⁸. В XVIII в., хотя возможность изготовления медной проволоки существовала, в промышленных масштабах производили железную, станки, ее выделывавшие, именовались «тягольные»¹⁹. Термин «волочение» тогда использовался при характеристике плющильно-разрезных операций; на монетных дворах, где штыки красной меди сначала расковывались под колотушечными молотами в тонкие полосы, которые затем «разрезались на стане такого же устройства, как железнорезный, и после... плющились в указанную толщину на плющильном стане», – имелась даже особая специальность «волочитель»²⁰. Расковывая медь в полосы, доски (листы), «в чаши» (выгнутой формы листы, полушария – заготовки для медной посуды), – её, после ряда разогревов в подогревательной печи (горне), «вытягивали», «тянули» под молотами и на наковальнях разных форм²¹. В русском языке, не только современном, но и XVII, и XVIII вв. (см. соответствующие словари) один из синонимов «тянуть» – «волочить и волочь». Авторы «Словаря русского языка XVIII века» пишут: «волоченный, ая, ое. Вытянутый в проволоку, нить (о металлах)». Однако реальное содержание приводимых в словарной статье примеров вполне однозначно свидетельствует, что в отношении изготовления проволоки термин стал использоваться с середины, даже со второй половины XVIII столетия. В первой же его половине в применении к обработке металла это означало «раскованный», «расплющенный»: «надлежит достать и таких мастеров, кои могут делать волоченное железо мельницами» (*Посошков И.Т.* Книга о скудности и богатстве [1724]. М., 1937. С.225); «цементовую медь... как золото и серебро студеную волочить» (Приложение к Ведомостям. 1728–1742. СПб., [1728–1742]. С.136) и т.п.²² «Волоченное железо» – ни что иное,

как дощатое, раскованное вододействующими молотами; «холодным» способом тогда проволоку не изготовляли, а вот серебро, золото и, очевидно, «цементовая» медь в таком виде расковке (плющению) поддавались.

Таким образом, сравнение «будто медь волокут» – в данном случае основано, видимо, на операциях расковки меди в доски и прочее. Кирша же, как говорилось, скорее всего, работал именно на дощатом производстве медеплавильного Кольвано–Воскресенского завода. Подобная трактовка этих слов гораздо лучше к тому же отвечает общему образно–ассоциативному смыслу анализируемой строфы, где подразумеваются движения поступательного порядка, возрастающей степени силы и интенсивности, чем процесс получения проволоки, заключающийся в протягивании (в направлении «на себя») разогретых заготовок через железные доски с отверстиями уменьшающегося размера до достижения нужной толщины.

В тогдашней металлургической промышленности олово использовалось: 1) при лужении жести, но при этом ее листы опускали в котел с расплавленным оловом, да и само жестелудильное производство на частных заводах появилось только к середине XVIII в.; 2) при литье колоколов, где колоколенная медь сплавлялась из определенного и значительного по объемам количества частей штыковой красной меди и олова, т.е. последнее в колокольный металл не «лили»; и, наконец, 3) при лужении медной посуды, когда в нагретое изделие накладывали нашатырь и олово, «как оное будет распотляца, то тереть по всей той посуде вехтеми (вехотью) ...лудить с обеих сторон»²³. Следует учитывать, что труд Н.Б. Бакланова о горнозаводской технике XVIII столетия, оставаясь до настоящего времени наиболее авторитетным в данной области, в большей степени основывался на «Описании уральских и сибирских заводов» бывшего «главного командира» Сибирского обер–бергамта В.И. Геннина, экземпляр которого был им в 1735 г. поднесен императрице. «Описание» Геннина зафиксировало главным образом технику казенной металлургической мануфактуры, где в медеплавильной отрасли широко использовались знания и опыт специалистов из Германии, преимущественно из Саксонии²⁴. Между тем, на частных отечественных медных предприятиях к этому времени появились некоторые новые технологии и приемы, не нашедшие отражения в рукописи Геннина²⁵. К числу таких приемов относился и способ лужения медной посуды, когда олово вместе с нашатырем не накладывали в нагретое изделие

и, растопив, растирали затем по поверхности, а аккуратно наливали в сосуд уже расплавленным («будто олово льют»). Сохранилась «Ведомость, коликое число отдано было котельным мастерам недоделанной медной посуды для доделки и что к делу оной припасов употреблено», охватывающая 1735 – середину 1736 г., когда Колывано–Воскресенский завод был забран у А.Н. Демидова и находился в казенном управлении. «К тому изошло, – отмечено в Ведомости, – на пайку посуды зеленой меди (она же желтая медь или латунь – В.Б.) – 9 ф[унтов] 68 зол[отников]; олова на лужение посуды – 18 ф[унтов]; свинцу – 5 ф[унтов]». Нашатырь в списке использованных на «доделку» посуды материалов вообще не упоминается, хотя на заводских складах он был: 10 1/2 фунта нашатыря как лежало там в 1732 г., когда на Колывани началось изготовление луженой посуды (см. далее), так и оставалось в 1735 г. А в ведомости 1736 г., при возвращении завода Демидову, «у котельного мастера к делу медной посуды» значатся «...лудилен – 2»²⁶. Весили они по 6 фунтов каждая и, судя по всему, являлись теми самыми приспособлениями (типа ковшей), с помощью которых расплавленное олово (с добавкой свинца?) заливались в лудившиеся изделия. На Нижнетагильском заводе, где Кирша в общей сложности прожил почти четверть века, ни дощатого (железа и меди), ни, вопреки некоторым музейным публикациям, медно–посудного производств при нем не было²⁷. Они возникли там не ранее самого конца 1750–х гг., после раздела между сыновьями А.Н. Демидова и перевода соответствующих мастеров из Невьянска²⁸, куда, в свою очередь, оказался переселен сам певец. Таким образом, есть основания полагать, что в приведенном выше куплете из песни «Стал почитать, стал сказывать» нашли отражение пребывание и работа Кирши Данилова на Колывано–Воскресенском заводе²⁹.

Документы алтайского завода о выделке на нем дощатой меди и посуды и сведения о биографии Кирши позволяют даже примерно установить период, когда он мог «набраться» впечатлений, воплотившихся в песенные строки. Расковка меди и изготовление из нее посуды начались в 1730 г., но «в дельной нелуженой посуде» было продано тогда изделий всего на 13 руб. 66 коп. Луженую посуду («олово лить») стали делать с 1732 г., причем продали ее в этом году на сумму около 1900 руб., почти втрое больше, чем нелуженой. В 1735 г., с переходом предприятия в казну, было прекращено производство дощатой меди, которая частично также шла на продажу;

велась только доделка посуды, в т.ч. луженой, из остающихся медных листов³⁰. А в самом начале 1736 г. молотовой подмастерье Кирилло Данилов фигурирует, о чем уже говорилось, при расследовании драки на кабаке Нижнетагильского завода. Получается, что пребывание Кириши на Колывани приблизительно, с запасом, укладывается в промежуток 1730–1735 гг.

Помимо отмеченных выше специфических черт медного мануфактурного производства, проживание Кириши на Колывано–Воскресенском заводе неплохо объясняет наличие в Сборнике сибирских казачьих песен, чьи варианты больше неизвестны: «Во сибирской украине, во Доурской стороне» и «Поход селенгинским казакам», а также другие сибирские реалии, встречающиеся в текстах отдельных произведений. То в былине «Добрыня чудь покорил» и исторической песне «Михайла Скопин» среди врагов русских войск мелькнут обитавшие на далекой северо–восточной окраине Евразийского континента «чукши с алюторами»; то в одном из куплетов «наборной», по определению А.А. Горелова, шуточной песни встретятся слова: «Иркутска, Якутска, Енисейской городок!». У Кириши Ермак Тимофеевич гибнет не в Иртыше, а в Енисее, сражаясь с жившими там котовскими татарами («Ермак взял Сибирь»); причем на Енисее в конце 1620–х гг. на самом деле действовал тезка Ермака³¹; и т.п.

Все 1730–е гг. с целью защиты от казахских набегов на Колывано–Воскресенском заводе размещался периодически сменяемый гарнизон из томских и кузнецких конных казаков (по 50 тех и других, хотя общая их численность была обычно меньше штатной)³². Предки томских служилых, например, совершенно точно участвовали в героической обороне от маньчжуров Кумарского («Комарского») острога на Амуре в 1655 г., описываемой в первой из названных казачьих песен³³. После заключения в 1689 г. мирного Нерчинского договора с Китаем гарнизоны забайкальских острогов были усилены служилыми людьми из Западной Сибири³⁴. Так что предки кузнецких и томских казаков с Колывано–Воскресенского завода, их сослуживцы, родственники и т.д., вполне могли принимать участие (или слышать о нем) в провалившемся рейде на монгольские племена из Селенгинского острога (шуточная «Поход селенгинским казакам»), датируемым 1691 г.³⁵ Как могли узнать о еще более далеких и относительно недавних, – и бывших поэтому в служилой среде «на слуху», – экспедициях к «чукшам с алюторами» (одна из групп коряков, обитающая на Камчатском перешейке). Тем более,

что на рубеже 1720–1730-х гг. возобновились ожесточенные столкновения с чукчами якутских казаков³⁶. В Якутск на государеву службу после подавления восстания 1648–1649 гг. и наказания кнутом сосланы 11 томских служилых с семьями (всего 65 чел.)³⁷. Именно Якутск являлся базой освоения сначала Амура (хотя к обороне Курмарского острога в апреле 1655 г. томичи «не успевали»), а затем Чукотки и Камчатки. И это не говоря о хорошо описанной практике посылки «годовальщиков» из числа служилых западносибирских городов и острогов (Томск основан в 1604 г., Кузнецкий острог – в 1618 г.) во вновь учрежденные восточносибирские, перевод в их гарнизоны казаков из старых центров на постоянную службу и возобладавшее со второй половины XVII в. поверстание в нее «из казачьих детей».

Совсем не обязательно, что та же песня «Во Сибирской украине, во Доурской стороне» была усвоена певцом на Колывано–Воскресенском заводе. В г. Таре, например, где он, видимо, провел какое-то время (тарские реалии присутствуют в текстах Сборника; подробнее см. ниже), – имелся казачий род с характерной фамилией «Даурцевы». Но пребывание на Колывани и общение там со служилой средой могло поспособствовать закреплению в репертуаре Кирши произведений сибирского казачьего фольклора и его персонажей.

К тому же еще в 1727 г. А.Н. Демидов получил разрешение нанимать для работы на своем алтайском заводе фактически кого угодно, включая беспаспортных и беглых, а чуть позже «по просьбе его местное земское начальство отдало ему всех “нерадивых” в крае людей для отработки подати»³⁸. В 1735 г. из 292 человек, числившихся работающими непосредственно на заводе, по сведениям, представленных колыванским приказчиком, переведенных с Невьянского завода мастеровых, работных людей, приписных крестьян с Урала и собственных демидовских крепостных было 88, иностранцев – 3, «обывателей, присланных для зарабатывания подушных денег» – 201: 180 тарских, 16 томских и 5 кузнецких³⁹. Ссылные же, как известно, зачислялись в подушный оклад по Таре, Томску и другим городам⁴⁰.

Таковы некоторые аргументы (далеко не все, так как иные требуют весьма подробного обоснования) в пользу достаточно длительного проживания Кирши Данилова в период сибирской ссылки на Колывано–Воскресенском заводе.

В августе 1744 г. Акинфий Демидов, вызванный из Тулы в Москву в связи с расследованием дела об алтайском серебре, заявил в конторе Сената, что «он на своих Колыванских заводах никогда не бывал». Еще в позапрошлом веке В.И. Рожков в статье, посвященной этому вопросу, заметил в одном из примечаний: «Тут память изменила Демидову: в 1732 году он был в Колывани, сопровождая советника Вицента Райзера, посланного Берг-коллегией для обозрения тех заводов»⁴¹. «Забывчивость» Акинфия Никитича в данном случае вполне объяснима. Уж очень опасны были обвинения в нарушении государственной монополии на добычу драгоценных металлов! Когда тайная выплавка серебра в 1744 г. вскрылась (первый донос на Демидова в добыче серебряной руды поступил в 1733 г.)⁴², заводчик всячески пытался создать у властей впечатление, что наличие в колыванской медной руде серебра (и золота) обнаружено совсем недавно работающими у него специалистами – из Саксонии; а до этого серебро и золото, не подозревая о том, выжигали вместе со свинцом как примесь к меди при ее очистке. На самом деле технология извлечения из алтайских руд серебра была, скорее всего, отработана десятилетием ранее также мастерами-иностранцами, и тогда же, видимо, налажена его выплавка из алтайской черной меди на тайном предприятии около Нижнего Тагила на Урале⁴³.

Раньше я предполагал, что именно во время пребывания на Колывани в 1732 г., когда там «для обозрения заводского действия» находился берг-советник В. Райзер в сопровождении капитана В. Фермора, Акинфий Демидов и мог познакомиться с Киршей Даниловым⁴⁴. Недавно удалось обнаружить сводные приходо-расходные книги Колывано-Воскресенского завода за 1726 – начало 1735 г., в которых, помимо прочего, «показано и что ис того на собственные (А.Н. Демидова. – В.Б.) нужды издержено и [деньги] не в завод употреблены»⁴⁵. Составлен документ был на основе представленного главной Невьянской конторой Демидова «экстракта» из ее расходных книг и записей колыванских демидовских приказчиков и расходчиков во вновь учрежденном Томском и Кузнецком горном начальствах в период изъятия завода в казну в 1735–1736 гг. Из содержания книг вытекает, что в первой половине 1730–х гг. Акинфий Никитич побывал на своем алтайском предприятии трижды!

Три возможных встречи его здесь (или в Западной Сибири) с Киршей Даниловым вместо одной гораздо лучше объясняют последующие особые отношения магната–заводчика и певца.

Следует отметить, что при тщательной фиксации всех расходов (вплоть до покупки за копейку какой–нибудь чашечки), в том числе и весьма специфических: на подарки и взятки местным чиновникам, проверяющим из центра, их сопровождающим, – в приходо–расходных книгах отсутствуют прямые упоминания о приездах на завод Демидова, включая и 1732 г. Такова была, судя по всему, установка заводчика колыванским администраторам, начиная с первого его визита в 1731 г. (см. далее). Слишком уж деликатны были многие вопросы, возникающие в связи с алтайским предприятием (наличие руд, содержащих серебро и другие), и Демидов, очевидно, не хотел себя компрометировать непосредственной причастностью. Приведенное выше заявление в Московской сенатской конторе в 1744 г. Акинфий Никитич сделал, будучи уверен, что доказать противное будет достаточно сложно. Но колыванские приказчики обязаны были вести учет расходов, и поэтому «следы» приездов «господина», как их не маскировали, в приходо–расходных книгах завода все–таки отразились. Мною привлекались и некоторые дополнительные источники, позволяющие установить, когда в первой половине 1730–х гг. Демидов появлялся на Алтае.

Документальные свидетельства пребывания Кирши Данилова в сибирской ссылке на настоящий момент отсутствуют. Тем не менее, сравнительный анализ записей приходо–расходных книг Колывано–Воскресенского завода в сочетании с другими делопроизводственными, актовыми, законодательными материалами, содержанием переписки А.Н. Демидова и реалиями отдельных песен Сборника (помимо тех из них, что уже привлекались выше), позволяют предложить излагаемую ниже версию знакомства заводчика с певцом и их последующих встречах в Сибири. Встречах, в результате которых Кирша оказался на уральских демидовских заводах и, в конце концов, появились «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым».

Первая запись в приходо–расходных книгах, имеющая отношение к данной теме, помечена 7 января 1731 г. и зафиксировала получение в Невьянске Иваном Патровым (в незаводских докумен-

тах он иногда именуется Петровым) 100 руб. «на подводы до Колыванских заводов и на покупку в городе Таре двора» (С. 795)⁴⁶. Б.Б. Кафенгауз в своей фундаментальной монографии о демидовском хозяйстве XVIII в. упоминал купчую на приобретенный в 1731 г. дом в Таре, хранившуюся среди рукописей Нижнетагильского музея⁴⁷. В архиве нынешнего Нижнетагильского музея–заповедника горнозаводского дела Среднего Урала в названном Кафенгаузом деле, кроме купчей, содержатся также рапорт «посланного с письмами в Колыванские медные заводы» Ивана Наумова сына Патрова в Невьянскую контору о расходах во время поездки от 2 апреля 1731 г., датированное следующим днем доношение туда же Патрова с разъяснением причин оформления купчей на двор в Таре на его имя, как приказчика, а не на А.Н. Демидова, и другие документы⁴⁸. Двор на Нижнем посаде Тары в Николаевском приходе Патров приобрел за 40 руб. на обратном пути с Алтая у казачьего сына Г.Ф. Заливина; купчая составлена 4 марта. На усадьбе находились «изба черная да белая, меж ими сени, во дворе сарай да погреб с напогребницею, двор в городбе и с воротаы», имелся огород. 19 марта купчая была зарегистрирована в Тобольской крепостных дел конторе⁴⁹. Добравшись до Тобольска с его демидовским двором (и постоянно живущим при нем дворником), где останавливались приказчики и порученцы заводчика, Патров, очевидно, узнал о скором приезде в Тару своего хозяина. Дело в том, что на следующий день, 20 марта, сопровождавший демидовского приказчика один из трех свидетелей, подписавших купчую при ее заключении в Таре, тамошний посадский Б.Ф. Карелин⁵⁰ получил от Патрова 10 руб. «на пристройку новокупленова двора в городе Таре и на дрова». Конкретно – «на добычу дров и на дело в горницу печи, и на строение бани во дворе», в чем «письмо дал господину Демидову»⁵¹. Т.е. принимать сделанную работу у Карелина должен был сам Акинфий Никитич, собирающийся, очевидно, в Тару, что и вызвало необходимость срочного благоустройства только что приобретенной там усадьбы и снабжения ее дровами. Сразу же по возвращении в Невьянск Патров имел с Демидовым личную встречу: к рапорту в заводскую контору от 2 апреля 1731 г. о расходах приложена подписанная заводчиком расписка о получении от приказчика остатка выданных ему денег⁵².

Как оказалось, на обратном пути с Алтая Патров в Таре оставался не менее 8 дней: 11 марта 1731 г. в здешней воеводской

канцелярии разбиралось «дело дворянина Акинфия Демидова приказчика Ивана Петрова на тарского конного казака Василия Тул[ь]ского в бое ево, Петрова, и о протчем. Вершено по мировой»⁵³. А купчая на покупку двора в городе была заключена еще 4 марта. Затем демидовский приказчик, как следует из сказанного выше, минимум 2 дня (19 и 20 марта) находился в Тобольске. Остановки, пусть самые короткие, по дню, имели место, наверное, и в пути на Колывань, в тех же Тобольске и Таре (в последней хотя бы для того, чтобы договориться о подыскании подходящего двора для покупки). Из рапорта Патрова о расходах от 2 апреля в Невьянскую контору следует, что какой-то срок он пробыл на алтайском заводе: «в Колыванском заводе и возвратно едучи себе на харч» им было издержано 95 коп.⁵⁴ На остановки по дороге на Колывань и на пребывание там возьмем, на круг, тоже по минимуму, – 7 дней. Итого: 7 + 8 (в Таре) + 2 (в Тобольске на обратном пути), – получается 16 дней остановок в пути, которые нужно вычесть из времени, затраченного Патровым на поездку в целом. Выехал он из Невьянска 7 января, вернулся не позднее 1 апреля, т.е. всего потратил 84 дня. Непосредственно на дорогу остается 68 дней, или примерно по 34 дня (месяц с небольшим) на путь в один конец. Скорость довольно высокая. Следует, правда, принимать во внимание, что вся поездка Патрова проходила по зимнему, относительно легкому и быстрому пути. Для сравнения, двое демидовских конюхов, зимой 1729–1730 гг. сопровождавшие руководившего строительством Колывано–Воскресенского завода гиттен–фервалтера Н.Г. Клеопина оттуда до Невьянского завода, при месячном окладе в 60 коп. каждый, получили плату за 40 дней пути (С. 792). Столь подробные вычисления оринетировочного времени, необходимого для сообщения между уральской демидовской резиденцией и Колыванью, понадобились здесь потому, что эти данные не раз будут иметь значение при последующих рассуждениях.

Вполне возможно, что намерение А.Н. Демидова самому в первый раз отправиться на алтайское предприятие (помимо дел, имевшихся у него, вероятно, в Таре, через которую лежала дорога туда; подробнее см. далее) обусловлено получением найденного И.М. Шакинко письма приказчика Колывано–Воскресенского завода Никифора Семенова от 25 ноября 1730 г. В нем Семенов сообщал в Невьянск, что руда из Богоявленской горы, по–видимому, содержит серебро (в чем он пока не уверен), и поэтому ждет прика-

зания хозяина о плавке той руды⁵⁵. Скорее всего, с получением этого письма связана отправка на Колывань 30 января 1731 г. Ивана Иванова «с товарыщи, ... с порохом и с протчими припасы» (С. 796). Иванов являлся специалистом по добыче руды; в сентябре 1733 г. упоминается на Колывано–Воскресенском заводе в качестве штейгера (С. 810). При том, что штейгер, и весьма опытный, на алтайском предприятии имелся. Это был И.Г. Георги, прибывший на Урал в 1720 г. в команде В.Н. Татищева и Блиера⁵⁶. В 1727–1729 гг. он участвовал в строительстве завода вместе с гиттен–фервалтером Клеопиным. В августе 1730 г. «Еган Георгий» на Невьянском заводе поступил по контракту на службу к А.Н. Демидову и тогда же получил деньги «на дорогу до Колыванских заводов». Там Георги оставался до июня 1732 г. (С. 788, 794, 806, 807). Обнаружение серебра и потребовало, вероятно, срочной посылки на Алтай более надежного и доверенного лица, чем иностранец–контрактер, с необходимым для извлечения руды порохом.

23 апреля 1731 г. деньги «на прогоны и на протчие расходы до оных заводов» получил вновь назначенный приказчик Федор Головин. Несмотря на то, что по времени поездка пришлось большей частью на самую весеннюю распутицу, 9 июня он уже приступил к исполнению обязанностей на Колывано–Воскресенском заводе (С. 796). В расходных книгах завода «в 1731 году, при бытности прикащика Федора Головина», первые записи относятся к 8 июля и зафиксировали приобретение рыбы на 25 коп., мяса на ту же сумму, 4–х ног на студень (холодец) за 4 коп., покупку вина (водки) на 40 коп. и 3–х безменов хмеля на пиво за 21 коп., «за варение квасу» уплачено 12 коп. (С. 804). Практически во всех случаях покупки продуктов питания и спиртных напитков в расходных книгах указывалось, для кого из приезжих они приобретались (см. далее). Исключение составляют лишь периодические закупки солода и хмеля «в казну» на пиво, определенный запас которого полагалось, по крайней мере с этих пор, постоянно иметь при конторе. Когда же пива не хватало или требовалось вино, то спиртное приобреталось у жителей заводского поселка или заказывалось им. При этом в расходных книгах всегда отмечалось, для кого, в каких количествах и за сколько покупалось, а часто и кем варилось пиво и курилось вино. Записи за 8 июля не содержат указаний на то, для кого приобретались продукты и напитки. Логично заключить, что в связи с прибытием на Колывано–Воскресенский завод хозяина. В пользу

такого вывода свидетельствует и разнообразие, и относительно небольшие объемы закупок, и их единовременность. Добавлю, что при заводской конторе еще в 1730 г. был устроен огород и имелось стадо коров (С. 803, 806), т. е. овощи и молочные продукты были свои. Запись 24 июля: «куплена полсть (полость – покрывало на ноги в экипаже. – В. Б.) в казну», – связана, видимо, уже с отъездом с завода Акинфия Никитича, забравшего, похоже, имевшуюся «казенную» полость, почему отправлявшемуся в Томск Ф. Головину и пришлось приобретать другую. Последняя июльская запись за 31 число вполне текущего порядка: «куплено солоду 5 пуд» (С. 804). Очевидно, пополнение израсходованных запасов; в отсутствие приказчика приходно-расходные книги велись заводским расходчиком.

Пусть косвенным, но важным свидетельством пребывания Демидова в июле 1731 г. на Алтае служит появление в книгах с начала августа новой статьи расходов: на приобретение находок из разграбленных местных курганов. «В августе месяце 5 дня куплено золота про господской обиход 13 $\frac{1}{3}$ золотников... на 16 [руб.] 60 [коп.], да чюцкая рыбка серебряная весом 9 $\frac{1}{2}$ золотника, цена 39 [коп.]» (С. 804). В данном блоке записей, относящихся, судя по содержанию, ко времени поездки колыванского приказчика в Томск, зафиксирована еще одна покупка «бугрового» золота. Вслед за этим траты «на покупку серебра и золота, и протчих куриозных вещей» в расходных книгах делаются постоянными и составляют добрую половину из почти 1460 руб.*, что израсходованы в 1729–1734 гг. «на собственные дворянина Демидова нужды и отданы в почесть, а не в заво́т употреблены». Картина, таким образом, вырисовывается следующая: приехав в июле 1731 г. на Алтай, Акинфий Никитич заинтересовался находками из курганных погребений, что-то, вероятно, приобрел сам, а затем поручил это колывано-воскресенскому приказчику и его преемникам. Не только они, впрочем, занимались пополнением алтайской «золотой» демидовской коллекции. В конце марта 1732 г. Ф. Головиным после получения письма из Невьянска (см. ниже) «отдано Гавриле Семенову за купленное золото, которое куплено в прошлом 1731-м году и послано господину дворянину Акинфию Никитичу, еще в добавок... да Матвею Кудрявцеву в добавок же... всего отдано 18 [руб.] 67 $\frac{1}{2}$ [коп.]» (С. 806.)⁵⁷.

Если вернуться к содержанию расходных книг за начало августа 1731 г., то следующая за датированной пятым числом запись не только подтверждает, что Акинфий Никитич приезжал на Алтай

и уже уехал оттуда, но и, как представляется, проливает свет на вероятную историю встречи Кириши Данилова с заводчиком в Сибири. Гласит она следующее: «7-го дня в Томску нищим отдано за господина в тюрьму 4 [руб.] 60 [коп.]» (С. 804; здесь и далее выделено мной. – В. Б.). Абстрактная благотворительность Акинфию Никитичу вообще не была присуща. Деньги, судя по всему, предназначались вполне конкретным людям. Как, не побывав в здешних краях, Демидов мог быть осведомлен об узниках томской тюрьмы? Которые, к тому же, туда еще не прибыли. (Из Тары на Кольваново-Воскресенский завод Демидов ехал, похоже, через Томск и находился там, соответственно, только проездом. Обратное же он возвращался, вероятно, более коротким путем – через верхнеиртышские крепости)⁵⁸. Но Акинфий Никитич был уверен, что эти люди в томской тюрьме появятся: видел их идущими с этапом от Тары или знал об их отправке в Томск? Поэтому и оставил соответствующее распоряжение своему кольвановскому приказчику. Причем сумма пожертвования довольно значительная. Так, Иван Секисов, отправленный в 1729 г. от Кольвани до Тобольска «с цветным рудометным камнем», а затем с не менее важным поручением «в поворот в Воскресенский завод с казной Иртышем», получил за 4 месяца такой «езды» 4 руб. (С. 802–803). Сопровождавшим гиттен-фервалтера Клеопина конюхам платили, как отмечалось выше, по 60 коп. в месяц. В общем, это никак не те копейки, что перепали нищим в качестве подаяния. Да и речь в записи за 7 августа шла, конечно же, не о собственно нищих, место которым, в лучшем случае, в богадельне, а совершенно определенно об обитателях тюрьмы. «Колодники кормились, – отмечает Н.Н. Покровский, описывая посещение тобольской демидовской резиденции в 1736 г. двумя раскольничьими старицами в сопровождении солдата, – в основном за счет частной благотворительности и милосердия обывателей, для возбуждения коих арестованных регулярно водили под караулом по домам, рынкам, даже кабакам»⁵⁹. Частая картина на тогдашнем городском базаре: конвоир при двух закованных «в связке» колодниках, просящих милостыню на остальных арестантов⁶⁰. С другой стороны, в данном случае ни конвоира при «нищих», ни оков на них не было: иначе демидовский приказчик именовал бы их по-другому. Они лишь, судя по всему, обитали в тюрьме, находясь, по современной терминологии, на положении «расконвоированных». Для только что прибывших к месту поселения ссыльных (не каторжных. –

В. Б.) такое выглядит вполне нормальным. К тому же «пользоваться подобными ситуациями для побега тюремная этика запрещала, ибо это значило оставить других колодников без хлеба»⁶¹. Колывано–воскресенский приказчик Ф. Головин появился в Томске минимум двумя днями ранее 7 августа (вспомним приобретение им 5 числа золотых вещей и «чуцкой» серебряной рыбки), и, по–видимому, еще до своего посещения тюрьмы видел собирающих подаяние тамошних сидельцев – адресатов пожертвования от Демидова, – отсюда полупрезрительное «нищие» в расходной книге. И если эта запись имеет отношение к Кирше Данилову, логичным является допущение, что он и партнер (или партнеры) не просто просили подаяние, а «зарабатывали» его пением. Последнее, впрочем, и у настоящих нищих было обычным. В начале второй половины XVII в. русский посланник в Голландии после посещения дома, где для него исполнялись лучшие вокальные и инструментальные произведения, следующим образом высказался об услышанной им западноевропейской музыке: «Очень хороша! Точно так же поют наши нищие, когда просят милостыню»⁶². Яркую и, что особенно важно, современную «картинку» оставил посетивший в начале 1734 г. Ирбитскую ярмарку академик И.Г. Гмелин, описав группы нищих, греющихся у больших костров в промежутках между пением⁶³. Много позднее, в письме от 1 июля 1838 г., А.М. Языков сообщал Н.М. Языкову: «Старик (П.М. Языков. – *В. Б.*) все в Голов[ине] (село в Сызранском уезде. – *В. Б.*)... Он записывает песни и стихи; нашел несколько твердо знающих стариков и их черпает... На базаре бывает много стариков, поющих стихи, и их залучит. Потом собирается на ярманку в Ананьино, близ Головина, там нищие поют стихи кругов на десять»⁶⁴. Духовные стихи в репертуаре Кирши, судя по Сборнику, имелись. «Голубина книга сорока пядень» и «Сорок калик со каликою» относятся к числу лучших из известных вариантов подобных текстов⁶⁵.

...Итак, в Томске в 1731 г. А.Н. Демидов и Кирша (в том случае, конечно, если речь в записи расходных книг Колывано–Воскресенского завода за 7 августа идет о нем) разминулись. Значит, встретились и познакомились они раньше. Случилось это, скорее всего, в Таре, являвшейся в тот момент, о чем говорилось, основным пунктом, куда поступали ссыльные в Сибирь⁶⁶. К тому же именно через нее лежал сухопутный путь и на Кольвань, и в многие другие «дальние сибирские города». В Таре Демидов, видимо, пла-

нировал пробыть какое-то время; зачем тогда понадобилось срочно благоустраивать и снабжать дровами только что приобретенный здесь двор? В городе заводчик находился, ориентировочно, в самом конце весны – начале лета 1731 г., так как на свой алтайский завод Акинфий Никитич прибыл около 8 июля, когда тамошний приказчик закупал продовольствие и напитки для хозяина (см. выше).

Сказанное тем более возможно, что в текстах «Древних российских стихотворений» имеются свидетельства пребывания Кириши Данилова в Таре. Мне уже приходилось коротко писать о вероятных тарских реалиях песни Сборника «Там на горах наехали бухары»⁶⁷. Остановлюсь на них подробнее. В припеве этой уникальной песни, по мнению А.А. Горелова, смесь искаженных иноязычных слов – польских, еврейских, татарских, может быть, бурятских⁶⁸. Скорее не бурятских, а калмыцких: караваны, с которыми приезжали «бухары», назывались бухарскими и калмыцкими. Да и калмыцкий язык принадлежит к той же монгольской группе алтайской языковой семьи, что и бурятский. Горелов в последнем научно-популярном издании Сборника замечает: «Песня фиксирует общение К. Демидова со средой, близко знавшей бухарцев и поляков, живших, в частности, в Тобольске»⁶⁹.

Тобольск, как уже говорилось, являлся в то время обязательным этапом на пути сосланных на жительство или каторгу в Сибирь. Но поселения бухарцев, главным занятием которых была торговля, помимо Тобольска существовали в Тюмени, Таре, Томске, Кузнецке⁷⁰. Во всех этих городах с давних пор имелись также подразделения польско-литовских служилых. (В тексте песни называется «Жинжа»: то ли собственное имя, то ли сокращение от польского *zoldnierz* – солдат). Казаки «литовского списка» появляются в Сибири еще в конце XVI в. Выходцы из Речи Посполитой добровольно, в качестве военнопленных или ссыльных пополняли сибирские гарнизоны во время Смуты, войн с Польшей 1630–х, 1650–1660–х гг. и позднее. Среди этого воинства были люди самой разной этнической принадлежности, даже «немчины». Вполне мог оказаться и еврей по происхождению (Жинжа в песне назван «жидом»). По мере обрусения «иноземцев» деление на списки утрачивало смысл и к началу XVIII в. сохранялось лишь по традиции⁷¹. Из калмыцких степей среднеазиатские торговцы привозили, в частности, «ясырей» (пленников). Может быть упоминаемая в песне «жидовка хороша»

являлась одной из них. Евреи проживали в долине Зеравшана – ядре Бухарского ханства⁷².

По тобольским таможенным книгам приезжие бухарцы за весь XVII в. лишь однажды, в 1647/48 г., везли в Тобольск для продажи 3 человек ясырей, и, наоборот, в 1644/45 и 1668/69 гг., закупали здесь в общей сложности 15 ясырей для вывоза на Восток. В то же время «калмыцкие ясыри», купленные тобольскими стрельцами «у Ямышева озера», в 1670–е гг. продавались даже в Пелыме. После 1674 г., когда последовало распоряжение об обложении пошлиной бухарских торговых караванов на Таре, приход их в Тобольск прекратился (в Тюмень они перестали приходить после 1647 г.) и в город стали приезжать лишь отдельные среднеазиатские купцы. Приехавшие в Тобольск бухарские и калмыцкие караваны останавливались на специальном «калмыцком дворе» (сгорел в 1686 г. и больше не восстанавливался), расположенном на Нижнем посаде за речкой Курдюмкой. Тут же образовались улицы, заселенные тобольскими бухарцами и татарами. В первой половине XVIII в. приезжавшие в Тобольск среднеазиатские торговцы останавливались на построенном в 1703–1708 гг. каменном гостином дворе на Верхнем посаде. Через Тару с 1672 по 1700 г. пришло 9 бухарских и калмыцких караванов. Даже после того, как сбор пошлины с бухарских караванов был перенесен выше по Иртышу на Ямыш–озеро, путь среднеазиатских купцов от Ямышевских ярмарки и крепости вглубь российской территории все равно лежал к Таре, откуда они разъезжались в Тобольск, Тюмень, в Томск, на Ирбитскую ярмарку и в другие места⁷³.

Топография, описываемая в песне («Там на горах наехали бухары», казаки затем «поехали... на своих добрых конях. / <...> / оне с холмы на холмы, на холмы–горы»), соответствует как раз Таре: на любой более–менее подробной физико–географической карте видно, что восточный берег Иртыша напротив города, куда приходили караваны из степи, высокий (по местным меркам) и холмистый. Эту особенность отмечал и проезжавший здесь Г.Ф. Миллер: «Восточный берег реки Иртыша... в большинстве мест очень высокий и гористый. Он имеет вид цепи тесно связанных друг с другом гор... Хотя в Тарском уезде на этом восточном берегу еще и встречаются иногда высокие места, однако они исчезают по ходу езды вверх по Иртышу». В селениях вдоль его восточного берега проживало большинство тарских юртовских (живущих вне города)

бухарцев⁷⁴. Так что выбор именно Тары в качестве места «привязки» этой песни является во всех отношениях наиболее предпочтительным.

С большой вероятностью непосредственное отношение к Таре имеет персонаж одной из трех песен «Ермакова цикла» Сборника Кирши Данилова. Еще в 1962 г. А.А. Горелов заметил: «Капрал Астравской (в оригинале «Астровской». – *В. Б.*) песни «На Бузаноострове» – однофамилец унтер–офицера Ивана Островского, подавлявшего в 1722 г. восстание в Таре, в местах, давших Кирше обильный легендарный материал о Ермаке»⁷⁵. В недавнем научно–популярном издании Сборника, вышедшем под редакцией Горелова, фамилия капрала в этой части текста, разделенной на стихотворные строки (вместо прозаического изложения в научных изданиях 1958 и 1977 гг. под ред. Б.Н. Путилова), воспроизводится уже вполне определенно: «Зачали казаки с ними драться / и прибили их всех до смерти. / Только из них один ушел / капрал Островской»⁷⁶. Н.Н.Покровским в цикле работ заново открыт и исследован преданный забвению очаг массового сопротивления политике Петра I в Сибири: жестоко подавленный Тарский протест (бунт) 1722 г., когда целый город с гарнизоном и округой отказался от присяги безымянному наследнику императорского престола. Приведение Тары к присяге первоначально было поручено сержанту Островскому, который прибыл туда 20 мая, но «трудно сказать, удалось ли ему кого–либо привести к присяге»⁷⁷. Очевидно, что именно тарским жителям Островский должен был особо запомниться, и здесь, скорее всего, Кирша мог услышать это имя.

Что за дела потребовали присутствия самого А.Н.Демидова в тот момент в Таре – пока можно только предполагать. Возможно, это имело какое–то отношение к следствию, проводимому в 1730–1732 гг. тобольским обер–комендантом полковником А.М. Сухаревым, о злоупотреблениях тарского воеводы (с 1728 г.) Д. Рукина⁷⁸. Как раз в те дни, когда через Тару (с остановкой в ней) и Тобольск проследовал демидовский приказчик И. Патров, оттуда на допросы в Тобольск в Тарскую следственную канцелярию к Сухареву по делу Рукина был доставлен казачий сын Аевской слободы И. Зудиллов, служивший ранее сборщиком подушных денег⁷⁹. Связи с тарскими чиновниками у демидовских администраторов, несомненно, имелись. Свидетелями при заключении купчей на двор, приобретенный Патровым в Таре, выступали «преждебывшей копеист»

А.К. Морозов и проживавший здесь отставной тобольский дворянин Ф.И. Паченовский⁸⁰. В декабре 1734 г. колыванским приказчиком Степаном Пальцем (о нем см. ниже) «заплачено из суммы ж Демидова за тарского бывшего подушного збору комиссара Ивана Харламова, который прислан был для зарабатывания имеющихся на нем подушных денег 30 руб. 36 к[оп.]» (С. 817). Вспомним, что подавляющее большинство «обывателей, присланных для зарабатывания подушных денег», на Колывано–Воскресенском заводе в середине 1730–х гг. составляли именно тарские (180 чел. из 201). Между прочим, обязан был Демидову и А.М. Сухарев. Так и не предъявленный к оплате вексель полковника на 400 руб. от 6 ноября 1729 г. с приложенным к нему датированным 14 марта 1730 г. «уверительным письмом» Сухарева «об оных заемных деньгах», хранился у московского демидовского приказчика, а в конце 1750–х гг. оказался в архиве Тульского завода⁸¹. Отмечу: в 1742 г. Сухарев был назначен сибирским губернатором (незадолго до этого он стал вице–губернатором) и оставался им до своей смерти в 1752 г. Обязанности губернатора Сухарев не раз исполнял еще в 1720–х гг., замещая уезжавших в столицы главных сибирских администраторов⁸². Примерно в это же время у А.Н. Демидова в тарских краях появились и непосредственно производственные интересы. Его рудоискатели обнаружили медное месторождение выше Тары по Иртышу, на р. Зимовой. В 1732 г. Демидов получил разрешение Берг–коллегии на строительство здесь завода, которое началось в следующем году. В 1735 г. строящийся завод в Тарском уезде вместе с Колывано–Воскресенским отошел в казну, продолжившую строительство. В 1738 г. завод возвращен Демидову, но так и не был введен в действие⁸³.

В поездке Акинфия Никитича, судя по всему, сопровождал И. Патров. В описях Колывано–Воскресенского завода 1732 и 1735 гг. значатся 4 лошади, поступившие на заводскую конюшню «в 731–м г[оду] с Патровым»⁸⁴. В начале года он на Алтай и обратно совершенно определенно ездил на перекладных, так как, согласно его отчету в Невьянскую контору, потратил деньги на прогоны. Следовательно, лошади эти попали на конюшню не в первый приезд Патрова, в 1731 г., а в следующий, – вместе с Демидовым летом, посещение которым завода в документах, как говорилось, прямо не зафиксировано. Взамен, видимо, тех свежих лошадей, что были взяты для обратного пути на Урал. Для сравнения, также 4 лошади

поступили на конюшню «в 730–м... со штейгером Георгием» (И.Г. Георги)⁸⁵ – обладателем собственной коляски (она еще будет фигурировать в дальнейших рассуждениях. – В. Б.), но лошадей на дорогу от Невьянска до Колывани использовавшего демидовских. Вспомним, что в дни своего пребывания в Таре на обратном пути с Колывано–Воскресенского завода в начале марта 1731 г. Патров, коли уж дело дошло до «боя ево» конным казаком В. Тульским и последующего судебного разбирательства, занимался отнюдь не только оформлением сделки по приобретению двора у казачьего сына Г.Ф. Заливина и другими делами. Не познакомился ли тогда демидовский приказчик в ходе, так сказать, «неформального» времяпрепровождения со ссыльным певцом Киршей Даниловым, следы общения которого с местной служилой средой присутствуют в текстах Сборника; а, приехав в город вместе с хозяином, представил ему Киршу? Впрочем, с усадьбой Демидова на Нижнем посаде и так с обеих сторон соседствовали дворы тарских служилых людей Я. Кузнецова и И. Даурцева⁸⁶...

Сохраняется гипотетическая возможность того, что Кирша и А.Н. Демидов могли встретиться и раньше, в Поволжье. К. Данилов, без сомнения, происходил из нижегородских краев и жил там до ссылки⁸⁷. У Демидова тут имелись дворы в Нижнем, Казани и др. городах, вотчины. В 1726 г. Акинфий с братьями и их потомством были пожалованы в нижегородские дворяне⁸⁸. Через эти места Демидов ездил с Урала «на Русь» и обратно, останавливался в здешних своих владениях. Но даже и в этом случае, на мой взгляд, именно сибирские встречи стали определяющими во взаимоотношениях заводчика и «последнего скомороха» России.

Из Тары А.Н. Демидов отправился, скорее всего, через Томск на Колывано–Воскресенский завод, а ссыльный Кирилл Данилов тоже в Томск, но в составе колодничьей партии.

Итак, в предлагаемой здесь версии следующим, после Тары, этапом пребывания Кирши в Сибири стал Томск. По указу Сената от 14 мая 1730 г. «О писании в подушный оклад посланных и впредь посылаемых в Сибирь на житье...», для них предписывалось отводить под поселение «места в подгородных слободах, в которых они пожелают», с освобождением на 2 года от податей⁸⁹. И хотя в указе называется Тара, она, отмечает специально изучавший данный вопрос А.Д. Колесников, «не являлась единственным местом водворения ссыльных. Они направлялись и в другие районы Сибири. По

городу Томску ссыльных с 1727 по 1783 г. зачислено в оклад 105 д. м. п...»⁹⁰. В начале августа 1731 г. Кирша находился в томском остроге (если, конечно, он был одним из тех «нищих», кому колыванский приказчик Ф. Головин передал тогда деньги «за господина в тюрьму»). Затем уже последовал, вероятно, выход на положение «присыльного» – так здесь называли сосланных «в дальние сибирские города на вечное житье». В ходе реконструкции биографии Кирши, при соотнесении содержания репертуара с перипетиями жизненного пути певца, мне не раз приходилось отмечать (в настоящей статье также) его склонность к включению в тексты произведений, особенно шуточно-бытового плана, разного рода конкретных местных деталей и персонажей. Как мне кажется, время, проведенное Киршей Даниловым в Томске, тоже нашло отражение на страницах Сборника. В уже упоминавшейся «Стал почитать, стал сказывать», по определению А.А. Горелова, – песне «сложного мозаичного характера»⁹¹, – есть такие слова: «А в гузне – татары, / в... – калмыки, под... – бухарцы / с товарами стоят. <...> А и вышел из лавки / гостиной сын, / только цену спросил, – / да и деньги бросил». Картина, в большой степени соответствующая как раз Томску начала 1730-х гг. Описывая Томский уезд «в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.», Г.Ф. Миллер сообщал: «Рядом с Томью, по обе стороны Ушайки (речка, протекающая через Томск и впадающая в р.Томь. – В. Б.), находится также много домов бухарских и чатских татар... Горожане имеют еще ратушу и особую таможеню. Здесь учреждена довольно хорошая торговля, для которой в нижнем городе, ниже Ушайки, построен, наконец, большой четырехугольный деревянный гостиный двор, в котором имеется 50 лавок. Причиной тому вышеуказанное благоприятное положение города, так как зимой путь от восточных районов в Тобольск и Россию лежит через него. Точно так же часто приходят сюда караваны из Калмыкии и Малой Бухарии»⁹². Здесь важно то, что к осени 1734 г. гостиный двор «наконец достроен», то есть совсем недавно закончен постройкой. За пару лет до этого здешняя бойкая торговля носила, наверное, тот неупорядоченный, как бы «рассеянный» характер, столь живо предстающий перед нами в приведенных выше строках песни из Сборника. В Тобольске торговля проживавших там бухарцев и татар была сконцентрирована на базаре в Нижнем городе, из-за чего их никак не удавалось расселить с соседних улиц, несмотря на многократные попытки властей⁹³. Приходившие в Тобольск из Бухарии и Калмыкии торговцы останавли-

вались, как уже говорилось, в каменном гостином дворе в Верхнем городе. В 1730-х гг. в самом крупном городе Сибири было семь специальных мест для торговли – торжищ. Тара являлась преимущественно служилым городом и транзитным пунктом на торговых путях. Местное купечество ослабело после Тарского бунта 1722 г., когда почти все богатые горожане оказались перебиты или лишились имущества. Кузнецк был самым южным форпостом русских в Западной Сибири? и военно–административная функция здесь абсолютно преобладала. Тот же Г.Ф. Миллер в «Описании торгов сибирских» отмечал, что Кузнецк «в купечестве малое участие имеет» и в сравнении с ним Томск «более достоин купеческим городом называться», так как тут много «знатных русских купцов» (вспомним вышедшего из лавки гостиного сына в песне!), и богатых бухарцев и татар⁹⁴. Основная масса бухарских и калмыцких караванов приходила в Сибирь в сентябре–октябре, меньше – в ноябре–декабре⁹⁵. Т. е. разгар обменных операций прибывших с ними торговцев в ближайших к степи западно–сибирских городах приходился приблизительно на осень – начало зимы, что опять же примерно соответствует расчетному времени пребывания Кириши Данилова в Томске.

Вернемся, однако, к приходу–расходным книгам Кольвано–Воскресенного завода. 24 октября 1731 г. с Невьянского завода на постоянное жительство прибыл солдат Ф. Никитин. (С. 797). Он, видимо, доставил приказчику Ф. Головину очередные инструкции от А.Н. Демидова или напоминания о том, что из алтайской экзотики было поручено приобрести кольванскому администратору в летний приезд хозяина. Следующий посланец из Невьянска – Г. Курпаков, доставивший также 1000 руб. на заводские расходы, – появился 31 декабря (см. там же) и приказчика на заводе не застал: тот уехал в Томск. Первая запись о здешних расходах Головина датирована 23 декабря – кануном Рождества. Надо полагать, что в Томске Головин провел рождественскую неделю и, может быть, оставался еще какое время после нее (хотя все томские расходы отнесены к декабрю 1731 г.). Он произвел крупные закупки золота, серебра, медных изделий из разграбленных бугровщиками курганов на общую сумму около 180 руб.; для заводской коляски была даже заказана упряжь лошадям, обшитая «чюцкими медными вещами под золотом». На купленную здесь же камку Головин выменял у бухарцев соболиные шкурки, заплатил за выделку шкур «4–х ирбизей (снежных барсов. – В. Б.) да 2–х волков казенных»; за 66 коп. «куплен зверь сохатой

живой». По возвращении на завод приказчик продолжил формирование господского зверинца: 23 января 1732 г. у упоминавшегося ранее М. Кудрявцева за 2 руб. 50 коп. приобретена «калмацкая корова» (С. 805; видимо, як. – *В. Б.*). Возможно, тогда же, с Ф. Головиным, Кириша уехал из Томска на Кольвано–Воскресенский завод. Могло это, конечно, произойти и раньше. В целом, конец 1731 – начало 1732 г. представляется наиболее «оптимальным» временем появления Кириши в алтайском демидовском заводском поселке, в том числе и с точки зрения наличия на предприятии некоторых специфических производственных технологий, описанных в одном из куплетов песни «Стал почитать, стал сказывать».

Очередной визит А.Н. Демидова на Алтай связан был, как уже говорилось, с «обозрением» его тамошних владений советником Берг–коллегии В. Райзером и капитаном В. Фермором в 1732 г. Хотя, наверное, и не только с этим. Проверяющие из Санкт–Петербурга появились на Кольвани намного раньше Демидова, но были там тогда недолго. В марте в расходных книгах отмечены покупки 25 фунтов свиного мяса «про берг–советника и капитана» на 12 коп. и барана для них же за 30 коп. Сопровождавший их фузилер получил козлиную кожу на сапоги ценою в рубль. Приездом комиссии обусловлены, видимо, приобретение 5 марта свежей рыбы на 20 коп., восковых свеч на 4 коп. и 9 фунтов коровьего масла. При инспекторах находился также присланный из екатеринбургского Сибирского обер–бергамта гиттен–фервалтер К.А. Гордеев «с товарищи»: в книгах отмечена покупка для них рыбы на 9 коп. (С. 806). Затем уже поступило известие о предстоящем приезде заводовладельца. Запись от 28 марта на той же странице зафиксировала выдачу «Григорию Пермякову за провоз казенной коляски» 1 руб. 56 коп. Исходя из суммы, речь шла о посылке его с экипажем (видимо, тем самым, с упряжью, украшенной «чюцкими медными вещами под золотом». – *В. Б.*) до Тобольска навстречу хозяину. Потому что следом А. Прасолову «за привоз штейгеровой (т.е. принадлежащей работающему по контракту штейгеру И. Георги – *В. Б.*) коляски в Томску и Кузнецку для приема денег» было заплачено всего 20 коп. Поступившие отсюда суммы записаны в приход по заводу 19 апреля (С. 798).

Причем ехал А.Н. Демидов на Алтай на этот раз не один. Записи об отправке 28 марта 1732 г. казенной коляски предшествует недатированная: «За мытье паруса и мешков казенных на полат-

ку *господам* Базиной жене – 5 [коп.]». Последующие записи на данную тему также используют множественное число. Не ранее 26 апреля, после получения (судя по некоторым предшествующим записям) очередных демидовских инструкций, при новом приказчике Илье Харитонове: «У Густокашиных куплено *про господ* светилна на 7 копеек, нитей шить полатки на 3 к., на барабан кожа – потделать, – 2 к., за мытье господских хором бабам 6 к.; итого: 18». В августе, задним числом: «У Степана Малкова (в Томске, ср.: С. 798, 816 – *В.Б.*) куплено сукна самокраски аршин, которое взято *при господах* обшивать коляску, дано 18 [коп.]» (С. 807, 808). «Господами» посторонние, даже в высоких чинах (пример с советником Берг–коллегии Райзером) в расходных книгах именуется редко, и при этом всегда указывается, кто этот «господин» или «господа», на кого были потрачены деньги.

Кто же из Демидовых приезжал в 1732 г. вместе с Акинфием Никитичем? Не достигшего возраста восьми лет младшего сына Никиту можно с достаточной уверенностью исключить: состоявшимся «господином» приказчики считать его в тот момент вряд ли могли. Речь, следовательно, может идти о старших детях: Прокофий и Григории. Считается, что родившийся в 1710 г. Прокофий Демидов детство и отрочество провел на Урале, с 1729 по 1738 г. вместе с братом Григорием проживал в с. Красном близ Соликамска. Затем перебрался в Тулу, где жил до 1748 г. В 1750 г. переселился в Москву⁹⁶. Данную точку зрения разделяет, в целом, и скрупулезнейший современный биограф Демидовых, тульский исследователь И.Н. Юркин, хотя им и обнаружены документы о пребывании Прокофия в Туле в августе и ноябре 1735 г. и о появлении его там в 1738 г. не позднее октября⁹⁷. Между тем, из письма А.Н. Демидову соликамских приказчиков А. Козлова и Ф. Цыпина от 13 марта 1732 г. явствует, что Прокофия в Соликамске в это время вообще не было, а «государь наш Григорей Акинфиевич» в начале марта уехал оттуда на Невьянский завод к отцу⁹⁸. В архиве Тульского завода в конце 1750-х гг. хранилась «подлинная заемная кабала лета 1732 году апреля 19 дня» стольника Михаила Артемьевича сына Данилова на 200 руб., взятых у дворянина П.А. Демидова; взамен стольник заложил свою дер. Бохоть, она же Верещагино в Старогородищенском стане Тульского уезда⁹⁹. Т.е. еще в конце апреля 1732 г. Прокофий находился в Туле и к отъезду отца из Невьянска на Кольвань, примерно в последних числах месяца (до Тобольска, оче-

видно, на караванном судне, а затем по суше на присланной с Алтая коляске), успеть никак не мог. Имеются и другие свидетельства отсутствия тогда Прокофия на Урале. Это составленные в связи с разделом имущества А.Н. Демидова между его сыновьями сводные реестры (по частям каждого сына) закладных, владенных записей, купчих на вотчины, земли, дома, лавки, людей. Особенно последние, так как Акинфий Никитич, например, постоянно и, можно сказать, увлеченно занимался скупкой отдельных семей и людей из числа крестьян и дворовых мелких помещиков и иных душевладельцев: приказных, военных, посадских, духовенства. Совершались купчие преимущественно в Европейской России, где имелось, понятно, больше таких владельцев; но не только там. По датам сделок, именам продавцов, их территориальной и сословной принадлежности часто можно установить местопребывание Акинфия Демидова в тот или иной период если не по дням, то по месяцам. Как оказалось, подобные сделки совершал и его старший сын (в редких случаях оформления купчих демидовскими приказчиками всегда указывалось наличие у них доверенности). Акинфий Никитич в 1731 г. и следующем (до конца августа; см. ниже) пребывал в своих урало-сибирских владениях. Следовательно, все сделки на покупку людей в марте 1731 г. – июле 1732 г. (последняя – приобретение дворового у жены ярославского посадского)¹⁰⁰ совершены Прокофием Акинфиевичем, и он все это время находился в центре страны. Исходя из всего сказанного, сопровождать Акинфия Демидова в путешествии на Алтай в 1732 г. мог только средний сын Григорий.

Как известно, А.Н. Демидов впоследствии разочаровался в двух старших сыновьях в качестве наследников-продолжателей своего горнозаводского дела и намеревался передать все металлургические комплексы младшему Никите¹⁰¹. Но в связи с тем, что в 1732 г. Григорий сопутствовал отцу в поездке на медеплавильный Колывано-Воскресенский завод и воспринимался тамошними приказчиками одним из хозяев, небезынтересным представляется предположение И.Н. Юркина, сделанное в недавно вышедшей его монографии о Демидовых. Основываясь, в частности, на сообщении современного пермского исследователя А.В. Баньковского о том, как А.Н. Демидов, приехав в 1733 г. в Соликамск, забрал оттуда Григория и отправил изучить заводское дело на Суксунский медеплавильный завод, Юркин считает возможным, что «на данном этапе Акинфий не исключил раздела между наследниками и метал-

лургических заводов, но раздела по технологическому принципу: железные одному сыну, медные другому»¹⁰².

Исходя из приготовления палаток к приезду А.Н. Демидова с сыном, их пребывание в 1732 г. на Алтае, помимо Колывано–Воскресенского завода, охватывало и другие места здешних демидовских владений, раскинувшихся на пространстве 400 на 200 верст¹⁰³. Обратно на Урал они уехали через Томск. С учетом сообщения В.И. Рожкова, что Акинфий Никитич тогда «сопровождал» присланную из Петербурга «для обозрения тех заводов» комиссию, можно полагать о совместном путешествии по Алтаю Демидовых, берг–советника Райзера и капитана Фермора. Путешествие это явно стремились сделать удобным и, по возможности, приятным. Проходило оно, наверное, с известной помпой (вспомним починку барабана!)¹⁰⁴, в сопровождении свиты и вооруженного конвоя. Благо, как говорилось выше, на Колывано–Воскресенском заводе размещался значительный контингент конных казаков.

Большая часть расходов по поездке оплачивалась, очевидно, напрямую Демидовым. Поэтому в заводских книгах «на разные покупки и на другие издержки» нашли отражение лишь отдельные из подобных трат. В мае, к концу которого Демидовы должны уже были ориентировочно прибыть на завод, отмечено только приобретение у солдата С. Синицына епанчи (для кого–то из сопровождавших господ в поездке по Алтаю лиц?). В июньских записях зафиксирована оплата местной экзотики: 40 коп. за «2 кабаньих попросят» К. Деветерикову (позднее, в августе, отдано 8 коп. томскому подьячему Ивану Дмитриеву, так как у него «взят мешок под рожь кабаньим пороссятам, которые посланы з Гаврилом Ефтифьевым»). «В 26-м числе Семену Лошкареву дано за работу, что в 730–м году с Воскресенских заводов на Невьянский завод провожал 2–х маралов 3 [руб.] 85 [коп]; ему ж дано за проводины маралов с Чарыша к Белянчику на Усть–Чюмыш на коломенку 40 [коп.]». Последние записи за июнь – об оплате курения вина «про гитенфелвартера» Гордеева, оставшегося на Колывано–Воскресенском заводе после отбытия оттуда Демидовых и, видимо, петербургских проверяющих, о даче ему «на вексель» 100 руб. и получении от него заемного письма (С. 807–808).

Райзер и Фермор возвратились в Петербург и представили отчет в сентябре¹⁰⁵. А.Н. Демидов вернулся с Алтая в Невьянск к началу августа. В письме от 10 августа 1732 г. надзирателю Выйс-

кого завода Федору Алексеевичу он предписывал, чтобы опытные «плавки черной меди русских плавильщиков и иноземца Христофера (упомянутый ранее в сн.43 «плавильного серебряного и медного дела мастер» Х. Молли. – В. Б.) проходили каждой порознь». Когда же русские мастера получили меди на два пуда больше, чем иностранец: двенадцать против десяти, – Демидов писал приказчику: «Однако надобно смотреть, которая медь чище... и в том надо иметь разсуждение: не прибавитца ль на 12 пуд лишней работы, или обоя равны. О том от вас умолчено..., да и руда не равна. Надобно руду *равно давать как Ереме, так и Фоме*»¹⁰⁶. В публикации А.С. Черкасовой дата второго письма Демидова вейскому приказчику не приведена, но написано оно, несомненно, тоже в августе. Потому что в конце месяца Акинфий Никитич проехал через Екатеринбург, направляясь из Невьянска в столицу в соответствии с именным указом из Кабинета, полученным им 22 августа¹⁰⁷.

Не навеяно ли использование А.Н. Демидовым в деловой августовской переписке 1732 г. образов Фомы и Еремы недавно, во время пребывания на Алтае, слышанной им в исполнении Кирши песней об этих фольклорных героях? Такого текста в Сборнике Кирши Данилова нет. Но ведь там нет, например, и «истории» о теще и зяте, что Демидов «слышал у Кирилы Даниловича» и цитировал в найденном И.М. Шакинко письме нижнетагильским приказчикам от 7 мая 1741 г.¹⁰⁸ Репертуар певца был явно шире зафиксированного на страницах Сборника.

«Во главе шутов или дураков вполне русского изобретения стоят прославленные в разных повестях, песнях, былинах, народных картинках Фома и Ерема», – писал А.С. Фамицын еще в 1889 г. в книге, обобщавшей основное, что было известно к тому моменту об исторических скоморохах. «Образ дурака или шута (народного или придворного), – продолжал он, – неоднократно сливается на Руси с образом скомороха; так точно получают в народном представлении характер скоморохов и дураки Ерема с Фомой, сделавшиеся героями народных повестей, песен и картинок, игривые тексты которых, в свою очередь, исполнены юмора и изукрашены шутками и прибаутками, несомненно роднящимися с импровизациями, «глумами» и «кошунами» старинных смехотворцев и глумословцев–скоморохов»¹⁰⁹. Обращает внимание, что именно «разумным дураком» назвал Киршу в 1768 г. П.А. Демидов, посылая академику Г.Ф. Миллеру историческую песню из Сборни-

ка. В 1732 г. старший Акинфиевич на Колывано–Воскресенском заводе не был и с певцом, видимо, познакомился несколько позднее, уже на Урале. Не слышал ли тогда Прокофий из его уст, среди прочего, и какую–то песню «про Ерему и Фому»*, что, может быть, объясняет позднейшее образное именование Кирши Данилова Демидовым в письме Миллеру? Первые впечатления, как говорится, самые сильные...

Заинтересовал певец, судя по всему, сопровождавшего А.Н. Демидова в алтайской поездке 1732 г. его среднего сына Григория. Наверное, не без просьбы последнего в 1737 г. Акинфий Никитич «отдал» ему Киршу «в музыканты» в Соликамск, откуда тот вернулся только в начале 1739 г.¹¹⁰

Считается, что в период так называемого Следствия о партикулярных заводах 1733–1736 гг.¹¹¹ А.Н. Демидов почти безвылазно сидит в Петербурге и Москве, «обнюхивая, – по образному выражению И.М.Шакинко, – расставленные на него капканы»; разве иногда ненадолго выбираясь в Тулу¹¹². И.Н. Юркин также полагает, что с осени 1733 г. «на протяжении полутора лет он не имел возможности даже выехать на Урал». И после именного указа от 13 марта 1735 г., отпускающего его на заводы, так как они «в худом состоянии, затем что он давно отлучился от них и ныне удержан в Москве по комиссии следствия о заводах», Демидов предпочел остаться в центре страны¹¹³ (об этом писал и Шакинко). Однако, как оказалось, Акинфий Никитич все–таки побывал в эти годы на Урале, и не только там, но и ездил в свои самые удаленные владения на востоке России.

Выше говорилось, что из Невьянска по вызову из Кабинета Демидов уехал еще в конце августа 1732 г. В октябре 1733 г. кабинет–министры А. Остерман и А. Черкасский сообщили ему, что императрица временно «изволила отпустить» Демидова «в дом ево на те заводы»¹¹⁴. В самом конце декабря 1733 г. он находился на своем уральском Шайтанском заводе, где с ним намеревались встретиться участники 2–й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции, следовавшие из Кунгура в Екатеринбург. Но Демидов их не принял: «не пожелал быть дома», – заметил академик И.Г. Гмелин в дневнике¹¹⁵. Незадолго перед тем Акинфий Никитич в том же 1733 г. приехал в Соликамск и забрал оттуда сына Григория на Суксунский завод, о чем упоминает И.Н. Юркин в другом месте своей книги¹¹⁶ (автор, видимо, считает, что это происходило до начала Следствия

о партикулярных заводах с августа 1733 г.).

Пребывание Демидова на Урале было недолгим. Вскоре он возвращается «на Русь». С первых чисел марта 1734 г. в упомянутых выше реестрах «Копиям, списанным с подлинных купчих», составленным в связи с разделом имущества А.Н. Демидова, начинается очередная «серия» купчих на крестьян и дворовых, приобретенных у разных владельцев. В конце мая, судя по покупке дворового человека у Г.И. Прокофьева (видимо, московского посадского), Демидов находился в Москве, а в июле – начале августа 1734 г., без сомнения, в Ярославле. Затем череда таких сделок прерывается на четыре с половиной месяца и возобновляется в конце декабря купчими, заключенными в Туле. Потом снова перерыв на месяц (поездка в Москву?), а с начала февраля по март 1736 г. – снова тульские сделки, в апреле – ярославская, и т. д. Единственным исключением в промежуток с начала августа по конец декабря 1734 г. являются три купчие на дворовых и «крестьянского сына», совершенные 22, 23 и 26 ноября этого года с каптенармусом, капралом и солдатской вдовой¹¹⁷. Скорее всего, крепостные приобретены А.Н. Демидовым на обратном пути с Алтая (см. ниже) в Тобольске, где всегда было немало военных.

Акинфию Никитичу стало, очевидно, известно содержание именной инструкции Анны Иоанновны В.Н. Татищеву от 23 марта 1734 г. Ее 10-й пункт, включенный в документ по настоянию самого Василия Никитича, фактически санкционировал конфискацию демидовских предприятий в Западной Сибири: новому горному начальнику предписывалось, наладив дела на Урале и «кое все поруча товарищу ...ехать в Томской и Кузнецкой уезд... ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные... надобно взять на Нас, то оные взять...». Среди доносов на Демидова были и обвинения в снабжении оружием калмыков и татар, обитавших как раз в соседстве с его алтайскими владениями. Что попахивало уже государственной изменой. Последние обвинения также нашли отражение в инструкции императрицы, пусть и в обезличенной форме, без указания на Демидова (в 18-м пункте о шихтмейстерах): «А наипаче смотреть накрепко, дабы на партикулярных заводах без указа... никаких военных орудий не делали, и никому за границы, тайно или явно, под страхом смертныя казни, не продавали». В случаях обнаружения таких преступлений Татищеву предписывалось приказчиков частных заводов беспощадно наказывать, а о промышленниках

докладывать императрице¹¹⁸. А ведь имелись еще и подозрения о добыче серебра из алтайских руд...

В сочетании с обвинениями в масштабных уклонениях от уплаты налогов – главными в ходе Следствия о партикулярных заводах, – все это грозило такими неприятностями Демидову, что он, несмотря на отсутствие разрешения покидать центр страны, предпочел, видимо, лично проследить за сокрытием улики. И отправился на Алтай, хотя только одна дорога до Колывани и обратно заняла у него, по моим подсчетам, около четырех месяцев; даже при том, что в необходимых случаях Акинфий Никитич умел передвигаться очень быстро (чему есть примеры) и самую осеннюю распутицу, в октябре, он переждал на Колывано–Воскресенском заводе (см. далее). Поездка была тайной,*но записи приходо–расходных книг завода и другие документы позволяют утверждать, что в 1734 г. Демидов сюда приезжал.

Из Невьянска на Колывань 8 июля выехал новый приказчик Степан Тихонов Пальцов (С. 800), которого в деловой переписке чаще именовали Степаном Пальцем. В родстве с близкими к Демидовым тульскими посадскими Пальцовыми он, кажется, не состоял¹¹⁹, хотя вопрос этот требует дополнительного изучения. Но, несомненно, выступал в качестве особо доверенного лица заводчика. Именно С. Пальцов представлял интересы А.Н. Демидова весь период пребывания Колывано–Воскресенского завода в казенном ведении в 1735–1736 гг. Заодно в меру сил препятствуя деятельности вновь учрежденного Томского и Кузнецкого горного начальства по управлению предприятием: утаивал документацию по учету населения, фальсифицировал ее, – на что чиновники не раз жаловались екатеринбургским горным властям¹²⁰. Еще до появления С. Пальца на Колывань прибыли участники 2–й Камчатской экспедиции. Расходчиком Иваном Осиповым в августе в книгах сделана запись: «Про господ профессоров мяса на 1 [руб.] 60 [коп.], да за барана 53 [коп.]» (С. 815)¹²¹. И.Г. Гмелин побывал тогда на некоторых рудниках завода¹²². В своем дневнике он отметил, что руды Воскресенских гор, кроме меди, содержат также серебро. Таким образом, подчеркивал Б.Б. Кафенгауз, «наличие у Демидова серебряных руд не составляло тайны»¹²³.

Первые записи в расходных книгах «при бытности прикащика Степана Палца» зафиксировали «в сентябре месяце, 10-го дня, покупки... про господской обиход»: медный котел с крышкой, пуд

пшена, по 20 фунтов меда и пряников. 24 сентября приказчик заплатил 20 коп. «за мытье господских хором 5 человеком» (С. 815). Палец явно знал о планируемом приезде хозяина и готовился к нему. Четыре дня спустя приказчик отдал 20 коп. «про господина профессора за варение пива с 5 пуд» (видимо, для Г.Ф. Миллера с его сопровождающими) и закупил за 27 коп. 9 безменов хмеля. Только пополнили запасы, использованные на пиво для участников академической экспедиции, как пришлось прикупать еще: «29-го дня куплено хмелю 5 безмен на варение пива про кузнецкого воеводу». Похоже, что именно у него С. Палец приобрел тогда же «про госпоцкой обиход» курганных золота и серебра—«кови» на сумму около 25 руб. (С. 815–816). Уездный воевода был, вероятно, проинформирован тем же Пальцовым о скором визите А.Н. Демидова, и заранее подъехал на Колывано–Воскресенский завод.

Когда примерно сам Демидов появился на заводе, позволяет установить единственная октябрьская запись расходных книг за 2 число об уплате 9 коп. «за дело бобра господцкого» (С. 816). Ни С. Палец, ни его предшественники бобровых шкурок никогда не приобретали. Очередная алтайская диковинка попала к местному скорняку, очевидно, от Акинфия Никитича, который приобрел ее (или получил в подарок?), может быть, все от того же кузнецкого воеводы. Позже, 19 ноября, жителю завода В. Прасолову было, видимо, доплачено еще 5 коп. «за дело» все той же «господцкой бабро[во]й кожи» (см. там же). То, что Демидов приезжал на Колывань, подтверждается не датированной точно следующей ноябрьской записью: «Дано котельному мастеру Саве Дементьеву за дело столовой медной посуды (сверх их положено цены), которая делана про господина нашего – 1 [руб.]» (см. там же). Что уж за особую посуду изготовил для заводчика Савва и удостоился «премии» в размере где-то месячной зарплаты – можно только догадываться. Этот котельный мастер, между прочим, носил характерное прозвище: Савва Дементьев сын Черного Колпака. Он сам или его отец был, видимо, из каракалпаков («черных колпаков» по-русски) – полуоседлого народа Средней Азии, обитавшего тогда по среднему и нижнему течению р. Сырдарьи. Язык их относится к кыпчакской группе западной ветви тюркских языков. Т.е. Савва мог выступать переводчиком при сношениях со среднеазиатскими и южносибирскими кочевниками. Похоже, что слухи о поставке Демидовым (через приказчиков) «диким ордам», наряду с другими товарами, оружия, име-

ли основания. После появления на Колывани С. Пальца сюда зачастили степняки, приходы которых в расходных книгах с 1730 г. до этого зафиксированы всего дважды¹²⁴. Визиты их на завод в 1734 г. как бы обрамляют приезд самого хозяина: «В сентябре месяце... 24-го дня куплено короколцам бухарцам хлеба на 6 [коп.];» «в ноябре месяце 10-го дня куплено бухарцом калмаком хлеба на 9» (С. 815, 816). После передачи Колывано-Воскресенского завода в ведение казенной администрации С.Д. Черный Колпак 10 июня 1735 г. сбегал. Но на заводе имелся и другой котельный мастер с таким же прозвищем – Перфилий Черный Колпак¹²⁵.

И, наконец, приезд А.Н. Демидова на его алтайский завод осенью 1734 г. подтверждается следующим. В конце лета 1735 г. Томским и Кузнецким горным начальством был задержан Гаврила Ефтихийев (Евтихеев), отправленный из Невьянска в начале июля в Западную Сибирь. Он для этого региона выполнял роль «приказчика для особых поручений»: только по приходо-расходным книгам Колывано-Воскресенского завода в 1726–1733 гг. приезжал на него не менее 6 раз с крупными суммами денег, письмами и другими поручениями, в 1733 г. надзирал за началом строительства нового демидовского медного предприятия в Тарском уезде (С. 787, 788, 790, 793, 795, 797, 798, 801, 802, 803, 808, 882); на Колывани во время строительства среди приказчиков Ефтихийев упомянут первым¹²⁶. В момент отправки в Сибирь главной Невьянской конторой он занимал должность приказчика Уткинского завода на Урале. При Ефтихийеве обнаружилось письмо Демидова к главному невяянскому приказчику С.Е. Густомесову от 5 июня 1735 г., две «цыдулки» (все – в копиях), письмо Акинфия Никитича самому Ефтихийеву от 2 апреля 1735 г. *выписи Томской таможни конца 1734 – начала 1735 гг. об уплате с проданной колыванской «меди и медной посуды пошлин». Ефтихийева отправили в Екатеринбург, туда же для учиненного горными властями следствия в декабре доставили с Невьянского завода Густомесова и расходчика главной демидовской конторы В. Николчина. Власть особо заинтересовала 2-я «цыдулка» (первая была послана Демидову от его зятя и петербургского поверенного Ф.П. Володимирова, «за ради бога» просившего срочно уплатить десятину с Невьянского и Колывано-Воскресенского заводов, и переадресована Акинфием Никитичем Невьянской конторе). В этой второй, также направленной невяянским приказчиком, говорилось, что с 1730 по сентябрь 1734 г. «при Колыванском заво-

де показано... от медной продажи выручено... итого 5503 р. 39 к.». И далее предлагалось оформить уплату таможенных пошлин за проданную медную посуду, колокола и дощатую медь задним числом: «надлежит вам туда послать нарочного хорошего человека, хотя из ваших заводских купецких людей делного человека; ежели в Томску или в Кузнецку невозможно, то б в пригородках (т.е. в таможнях местных слобод и крепостей. – В. Б.), где способнее, толко... число б в той квитанции было в 734–м году в феврале или в марте месяцах»¹²⁷. Распорядительный тон «щыдулки» делает несомненной принадлежность ее оригинала руке самого А.Н. Демидова, а указанный в ней «отчетный период» – с начала производства дощатой меди и медных изделий на Колывани по сентябрь 1734 г., – подтверждает, на мой взгляд, его пребывание на алтайском заводе как раз в октябре этого года. Надо сказать, что в данном случае прямо в авторстве Акинфия Никитича приказчики на следствии так и не сознались, хотя В.Н. Татищев и утверждал это в своем донесении в Кабинет¹²⁸. Так чуть не вскрылся тайный визит Демидова на Алтай в 1734 г., сопровождавшийся организацией самой настоящей «операции прикрытия». Когда Акинфий Никитич уже, видимо, покинул Колывань, Татищев получил от него в Екатеринбурге письмо из Москвы с приложенными к нему часами «да микроскопиулем» (микроскопом), датированное 25 сентября (!)¹²⁹.

Можно предполагать, что Кирша Данилов развлекал А.Н. Демидова на Колывани в октябре 1734 г., а вскоре, вслед за владельцем (тот, по расчетам, отбыл не позднее последней декады месяца) и по его воле сам певец покинул завод, которому грозил переход в казну. Контакты с местными жителями у Кирши, однако, сохранились: в сюжете одной из шуточных песен Сборника явно отразились события, происшедшие на Колывано–Воскресенском заводе несколько лет спустя. Но это уже предмет специального разговора.

Вряд ли Кирша уехал вместе с Акинфием Никитичем. Зачем весьма осторожному Демидову в его, по сути, нелегальной поездке (разрешения покидать Европейскую Россию у него не было) спутник–ссылный, в этом случае фактически беглый? Да и лишнего места в экипаже заводчика не было*, так как с ним, судя по всему, большую часть дороги с Колывани до Невьянска проделал солдат А. Чернорыв, вернувшийся из уральской демидовской столицы 12 января 1735 г. (сам Акинфий Никитич на свои уральские заводы в этот раз, из понятной осторожности, даже не заглянул). Чернорыв привез от-

туда 1000 руб. (С. 801) и, очевидно, известно, что из Екатеринбурга на Алтай в ноябре выехал майор Угримов (Угрюмов) с командой для приема Колывано–Воскресенского завода в казенное управление¹³⁰.

Более удобная и, в общем, достаточно безопасная оказия для отъезда Кириши на Урал появилась примерно в середине декабря, когда «в Невьянский завод с писмами» был послан солдат И. Статырский; он увез с собой также «про господской обиход полторы кожи бабровых» (С. 816)¹³¹. Вполне вероятно, что предстоящая посылка Статырского (а с ним Кириши?) была заранее обговорена с А.Н. Демидовым и им же профинансирована: в расходных записях не отмечена выдача ему, как и А. Черноярову, денег на дорогу до Невьянска; по возвращении оттуда 5 апреля 1735 г. с почти 4000 руб. и взятым в Таре порохом Статырский отчитался только за полученные в главной конторе деньги на прогоны до Колывани, «на харч» сопровождающим его двум людям и в том, что «на себя издержил» (С. 801–802).

В связи с неоднократными упоминаниями здесь и ранее в тексте статьи солдат, необходимо сделать одно небольшое, и последнее, отступление. На алтайском демидовском предприятии с момента строительства размещался небольшой, – в пределах десятка человек вместе с канонирами, – воинский контингент, содержащийся из «суммы заводских доходов». Использовался он как для обороны завода, так и для выполнения разнообразных административно–финансовых поручений. Среди солдат имелись, между прочим, выходцы из числа старейших полков русской армии петровского времени: Московского и Санкт–Петербургского¹³². У подобной аудитории пользовались, наверное, успехом исторические песни из Сборника «[Про] Бориса Шереметева», посвященная военным действиям против шведов в 1702 г. близ устья Невы с упоминанием крепости Орешек (Нотебург) и, кстати, «удалых донских, гребецких да еицких» казаков; и еще более старая «Под Ригию стоял царь–государь», повествующая о событиях русско–шведской войны 1656–1658 гг.¹³³

Одно из посланных С. Пальцем с И. Статырским в Невьянскую главную контору писем содержало, скорее всего, сообщение о предстоящей переписи населения заводского поселка командой переписчиков во главе с кузнецким дворянином П. Мельниковым. Указ о переписи поступил в Кузнецк в ноябре и почти сразу же о ней, видимо, узнал колыванский приказчик: в конце месяца буквально

друг за другом появились давно «прикормленный» демидовскими администраторами подъячий (канцелярист) кузнецкой воеводской канцелярии И. Степанов, а затем сам кузнецкий воевода (С. 813, 816). В подробной переписи работающих на предприятии П. Мельникова, начатой в конце декабря 1734 г. (С. 817) и завершенной к 20-м числам января следующего года, Кирилло Данилов отсутствует¹³⁴. Как нет его в переписях завода и списках беглых с него (начиная с переписи Мельникова) «завоцких жителей» и ссыльных в период пребывания в казенном управлении¹³⁵. А в начале 1736 г. он упоминается уже как постоянный житель и работник Нижнетагильского завода. И если Кирша уехал с Кольвано–Воскресенского завода с солдатом И. Статырским около середины декабря 1734 г., то в демидовские владения на Урале должен был прибыть, приблизительно, в конце января 1735 г.

Итак, знакомство с Киршей Даниловым состоялось у Акинфия Демидова, вероятно, весной 1731 г. в западносибирском г.Таре, где он жил какое–то время в недавно купленном и срочно благоустроенном дворе. (Сохраняется гипотетическая возможность того, что они могли встречаться и раньше, в Поволжье.) Из Тары Демидов отправился на Кольвано–Воскресенский завод, а ссыльный Кирилл Данилов с партией колодников – в Томск. Какое–то время Кирша провел, похоже, в Томске, затем перебрался на Кольвано–Воскресенский завод. В начале лета 1732 г. сюда приезжали А.Н. Демидов со средним сыном Григорием. Еще один приезд, тайный, Акинфия Никитича на алтайский завод имел место осенью 1734 г., когда он проведал о планируемом изъятии предприятия (в этот раз временно: в 1736 г. его Демидову вернули) в казну. А вскоре Кирша покинул Алтай, став, тем самым, беглым ссыльным. Есть надежда, что со временем данную версию удастся подтвердить не только художественными текстами Сборника Кирши Данилова, но и прямыми или косвенными документальными свидетельствами пребывания певца в Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник Кирши Данилова / Под ред. П.Н. Шеффера. СПб., 1901. С. 195. (Прилож. 1).

² Горелов А.А. Цена реалии. (Сборник Кирши Данилова – народная книга середины XVIII века) // Русская литература. 1963. № 3. С. 167–169; *Он же*. Кирша Данилов – реальное историческое лицо // Русский фольклор. СПб.,

1995. Т. 28. С. 97–110; *Шакинко И. М.* Невьянская башня: Предания, гипотезы, история, размышления. Свердловск, 1989. С. 289–290; *Он же.* Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145–147.

³ См.: *Байдин В.И.* 1) «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). Екатеринбург, 2001. С. 73–100; 2) Идентификация Кирши Данилова на Урале // Материалы первой уральской родоведческой научно-практической конференции 15–16 ноября 2001 г. Екатеринбург, 2002. С. 156–160; 3) Еще раз о времени и месте создания оригинала Сборника Кирши Данилова // Дергачевские чтения–2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Мат–лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2004. С. 1–17.

⁴ См.: *Байдин В.И.* 1) Кирша Данилова и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 135–139; 2) Кирша Данилов в Сибири // Русские старожилы. Мат–лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск, 2000. С. 260–263.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 609. С. 204–205 (в деле постраничная нумерация).

⁶ См.: Там же. Д. 587. Л. 176–181 об.; Д. 881. Л. 3–50 об.; ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 4600. Л. 59–60; Д. 4621. Л. 102–105; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 653.

⁷ Предварительно время пребывания Кирши в тюремном остроге Тобольска определяется концом 1729 – серединой 1730 г. См.: *Байдин В.И.* «Крым» и «Азов» в Сборнике Кирши Данилова (к вопросу об источниках текстов: взгляд историка) // Россия – Крым – Балканы: диалог культур: Науч. доклады междунар. конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 293–293.

⁸ Вот как, для примера, описывал в начале 1739 г. свою производственную биографию 43-летний молотовой мастер родом из государственных крестьян Тагильской слободы Верхотурского уезда И.И. Муромцов, он же Попов, работавший сначала на Невьянском, а с 1727 г. на Черноисточинском демидовских заводах: «в молотовых работниках работал 7 годов... в колотушке (где из железных брусьев, полученных в молотовой, выделялось «сортовое» железо разных форм. – См.: *Бакланов Н.Б.* Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935. С. 103–104) работал в подмастерьях 3 года... подмастерьем молотовым 7 лет ...мастером работает 2 года...» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 763. Л. 241 об. – 242, 266). Вскоре Муромцов перешел молотовым мастером на Туринский завод К.А. фон Шемберга, в 1742 г. забранный у того в казну. (Там же. Д. 915. Л. 220–222 об.) Разве что карьера К. Данилова оказалась гораздо более быстрой. В чем причины: в больших способностях самого Кирши; благорасположении Демидова и, соответственно, заводских приказчиков; в

помощи в освоении профессии молотовых мастеров из числа земляков и родственников певца в Нижнем Тагиле (которые там имелись), – можно только догадываться. Наверное, сказалось сочетание всех указанных моментов.

⁹ См.: 1) *Байдин В.И.* Кирша Данилов и Родион Набатов. С. 135–136; 2) «Последний скоморох» Кирша Данилов... С. 87–88.

¹⁰ *Горелов А.А.* Заветная книга // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 26–28.

¹¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 240. Л. 271; *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 192.

¹² *Корепанов Н.С.* Когда был построен Выйский завод? // Первые Невьянские Демидовские чтения: Тез. докладов и сообщений. Невьянск, 7–8 декабря 1999 г. Екатеринбург, 2000. С. 31–37; *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 191–193.

¹³ См. опубликованное мною в извлечениях «Описание, где сколько при заводах умершего... Акинфия Демидова каких фабрик, в них горнов, молотов и протчаго» (1746 г.): Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. №5. С. 115, 116.

¹⁴ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С. 103–104.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3124. Л. 65–65 об., 43 об.

¹⁶ Названия произведений ранее, здесь и в дальнейшем, приводятся в соответствии с устоявшейся традицией, по 2-му академическому изданию Сборника 1977 г. Текст воспроизводится по последнему научно-популярному изданию 2000 г. как первому полному (если не принимать в расчет 100 именных экземпляров издания Императорской публичной библиотеки 1901 г.) и широко доступному. К тому же в нем разбивка текста песен на строки зачастую лучше, на мой взгляд, отражает ритмику исполнения, чем в предшествующих публикациях. В данном случае воспр. по: Древние российские стихотворения... СПб., 2000.

¹⁷ Ср.: Древние российские стихотворения... М., 1977. С. 472; Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901. С. 269.

¹⁸ *Горелов А.А.* Заветная книга. С. 27.

¹⁹ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.113, 116–117.

²⁰ См.: *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С. 128; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881. Л. 19.

²¹ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С. 118.

²² Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4 (Воздух – Выпись). С. 46–47.

²³ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С. 110–113, 126, 127.

²⁴ См., напр.: *Корепанов Н.С.* Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Мат.–лы науч. конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (3–9 сентября 1999). Екатеринбург, 2001. С. 112–113. В этой части статьи

Корепанова говорится о прибытии иностранных специалистов–контрактеров в первой половине 1720–х гг.

²⁵ См.: *Байдин В.И.* Новое о Р.Ф.Набатове и его окружении (предварительные заметки). (В печати).

²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 1036, 836, 898 (в деле, как и других из ф. «Уральское горное правление» ГАСО, наряду с первоначальной полистовой имеется более поздняя, и более точная, постраничная нумерация листов).

²⁷ См.: Нижнетагильский музей–заповедник. Свердловск, 1988. С. 75–77. Экспонируемые в музее датированные изделия из зеленой меди (1750 и 1751 гг.) атрибутируются здесь в качестве местных. Ср.: Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. С. 111–112.

²⁸ ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 28. Л. 100–104 об. В начале 1759 г. необходимых для них производственных помещений в Нижнем Тагиле еще не было. См.: Там же. Л. 1–14.

²⁹ Конечно, наблюдать как «олово лют», можно было и в условиях ремесленного изготовления, например, пуговиц, когда металл разливали по соответствующим формам. Медно–посудное производство имелось и на Невьянском заводе (способ, каким тут лудили изделия – неизвестен), но, в отличие от компактного Колывано–Воскресенского, здесь оно размещалось довольно далеко от молотовых «фабрик», где трудился Кирша, да и вообще, начало сокращаться и приходить в упадок после раздела между сыновьями А.Н. Демидова. Однако, в свете всех обстоятельств, в том числе и приводимых далее, выбор в пользу именно Колывани является, в данном случае, предпочтительным.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 823–824; Д. 587. Л. 197–197 об.

³¹ Казачий атаман Ермак Остафьев ставил Канское зимовье и Красноярский острог. См.: *Горелов А.А.* Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 371–372.

³² См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2445. Л. 252 об., 262 об., 279 об.; Ф. 517. Оп. 1. Д. 1035. Л. 1–19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 587. Л. 139 об., 143 об., 202 об.; Оп. 12. Д. 3124. Л. 56–57; *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сиби́рь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 27 (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6).

³³ Так, десятником одного из участвовавших в обороне Кумарского острога отрядов енисейского сына боярского и знаменитого землепроходца П. Бекетова, стоял Ивашко Герасимов Чебучаков, очевидно, родной брат подьячего томской съезжей избы В.Г. Чебучакова. Ивашко и сам был грамотным: «за себя» и за 15 человек «служилых людей, казачьих наемщиков», он подписался под челобитной и послужным списком «охочих и служилых амурских казаков». См.: *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. Приложения. С. 138, 140; ср.: *Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989 (см. именной указатель). В описании

обороны в песне встречаются детали, явно основанные на знании их участниками событий, вроде: «а было у казаков / три пушки медные...» и т.п.; у осажденных действительно имелось только три пушки (против 15 орудий у 20-кратно превосходящих числом маньчжурских войск). См.: История казачества Азиатской России. В 3-х т. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. С. 35. В данной связи интересно отметить, что среди оборонявшихся, пришедших на Амур еще вместе с Е.Хабаровым в 1651 г. «Якутского острогу служилих», были Ивашко Иванов Дуда и Максимко Михайлов Барабанщик; в послужном списке их имена стоят одно за другим. А в составе отряда бекетовцев находился некий Елизарко Волынкин. (*Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 135, 138). Присутствие в XVII в. среди казаков трубачей, литаврщиков и барабанщиков достаточно обычно, особенно часто упоминаются последние (см.: История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 65). Ни в коей мере не абсолютизируя соответствия прозвищ и прозваний людей их профессиям или особым навыкам, нельзя, тем не менее, не вспомнить одно из древнерусских образных именовании скomoroxов: «Дудино» или «Дудкино племя».

³⁴ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 306.

³⁵ Древние российские стихотворения... М., 1977. Приложения: Комментарий. С. 448.

³⁶ См.: *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993. С.127, 129 – 130; История Сибири. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 289, 344.

³⁷ *Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг... С. 361–365.

³⁸ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 230; *Рожков В.* Акинфий Никитич Демидов на своих Колывановоскресенских заводах: Исторический очерк 1744–1747 годов // Горный журнал. 1891. Т. 3. С. 334.

³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д.3 124. Л. 126–127.

⁴⁰ См.: *Колесников А.Д.* Русской население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. С. 348– 350.

⁴¹ *Рожков В.* Указ. соч. С. 336 (примеч. 1).

⁴² *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 174.

⁴³ См.: *Байдин В.И.* О том, когда и кем построена Невьянская наклонная башня, каменный господский дом, а также о невянских «подземельях» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. С. 57 – 58. Добавлю, что контракт с «плавильного серебряного и медного дела мастером» Христофором Молли (Маллином), например, был заключен на Невьянском заводе в феврале 1732 г. Какое-то время мастер оставался на Урале, на Колывано-Воскресенский завод он прибыл в конце марта 1733 г. В середине 1730-х гг. Молли находился на Алтае, откуда в начале 1736 г. выехал до Невьянска. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. Л. 443 об., 499; Д. 587. Л. 110–111 об. К концу 1733 г. черная медь из Колывани водным путем по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре доставлялась до

Санкиных юрт, расположенных близ впадения в последнюю р. Тагила. Из этого глухого поселения она по зимнему пути вывозилась до Нижнетагильского завода. (ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 1123а. Л. 25–25 об.). В 2004 г. нижнетагильские археологи на одном из островов обширного пруда Черноисточинского завода, соседнего с Нижнетагильским, обнаружили остатки фундаментов производственных и жилых построек XVIII в. Завод по выплавке серебра, по воспоминаниям, размещался как раз на острове Черноисточинского «озера». Находка эта требует, конечно же, дальнейшего изучения.

⁴⁴ *Байдин В.И.* Кирша Данилов и Родион Набатов. С. 136.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 787–817. Приходные книги – до начала апреля 1735 г., расходные – по декабрь 1734 г. Так и не были представлены приходо–расходные записи Колывано–Воскресенского завода за октябрь 1730 – май 1731 г., когда приказчиком здесь еще оставался Никифор Семенов (приступил к исполнению обязанностей в октябре 1729 г.). В дальнейшем ссылки на страницы используемой копии приходо–расходных книг – в тексте статьи в круглых скобках.

⁴⁶ На алтайском демидовском предприятии Патров до этого бывал не единожды. В январе 1730 г. он оттуда вернулся, а уже в феврале «послано с Ываном Патровым в Колыванския заводы 3100 [руб.]». (Там же. С. 792). Летом 1729 г. Патров находился на строящемся Колывано–Воскресенском заводе в качестве подьячего. *Пензин Э.А., Ченоухов А.В.* Из истории классово-борьбы в первой половине XVIII в. (вооруженное выступление строителей Колывано–Воскресенского завода А. Демидова // *Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России.* Новосибирск, 1983. С. 182 (Док. 1).

⁴⁷ *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 171. Примеч. 82.

⁴⁸ Архив НТМЗГД Среднего Урала. Ф. 11. № 2. Л. 34–38.

⁴⁹ Там же. Л. 34.

⁵⁰ Он, видимо, выступал как доверенное лицо неграмотного продавца двора Залибвина, за счет которого платились пошлины «с продажи», «от писма», «от записки» и проч. при регистрации сделки в провинциальной конторе крепостных дел; в общей сложности на сумму 4 руб. 24 коп. (Там же).

⁵¹ Там же. Л. 35 об., 37 об.

⁵² Там же. Л. 38.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5181: Ведомость Тарскѡй воеводской канцелярии о решении интересных и челобитчиковых дел, и о взыскании пошлин и штрафов в 1719–1736 гг. Л. 126 об.

⁵⁴ Архив НТМЗГД Среднего Урала. Ф. 11. №2. Л. 37.

⁵⁵ *Шакинко И.М.* Невьянская башня. С. 254; *Он же.* Демидовы: Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 58–59. В одном из выговских сочинений открытие колыванских серебряных и золотых руд приписывается непосредственно Н.Семенову. См.: *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 273. Примеч. 73.

⁵⁶ *Корепанов Н.С.* Благодатская горная экспедиция... С. 112.

* Даже без учета 300 руб., выданных в июне 1734 г. отставному уже приказчику капралу Мартыну Кошкину «по присланному ордеру из Невьянской конторы... на покупку курioзных вещей про господина генерала». (Там же. С. 814). Речь, видимо, шла о командире Сибирского обер-бергамта В.И. Геннине.

⁵⁷ Гавриил Семенов Митрофановых (Украинцев) – старший брат приказчика Колывано–Воскресенского завода в 1729–1731 гг. Никифора Семенова (впоследствии киновиарха Выговской старообрядческой пустыни), эмиссар Выго–Лексинского общежительства на Урале и в Сибири; при его участии в 1723 г. открыты медные руды Алтая (ум. 1750). Главная резиденция Гаврилы Семенова с начала 1720–х гг. находилась на Невьянском заводе. Подробнее см.: *Мангилев П.И.* К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 7–9; *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 271–283 и др. (см. «Указатель имен»); здесь же достаточно обширная библиография о братьях Семеновых и связанной с их именами старообрядческой литературной традиции. Матвей Кудрявцев (Устюженин) – один из руководителей старообрядцев на алтайских демидовских заводах, рудознатец, погиб в самосожжении в 1747 г. См.: *Кафенгауз Б.Б.* Указ соч. С. 214; *Шакинко И.М.* Невьянская башня. С. 252–253; *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало–сибирских крестьян–старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 156.

⁵⁸ Описание дорог от Тары до Томска и через верхнеиртышские крепости до Колывано–Воскресенского завода см.: СПб. Ф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 191, 193; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 561. С. 687; Д. 707. Л. 312, 427 об. – 432 об. (в деле, как отмечалось, имеется также постраничная нумерация, но в данном случае я использовал свою старую выписку с полистовой нумерацией).

⁵⁹ *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест... С. 91.

⁶⁰ См.: *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбургe (1723–1781). Изд. 3-е. Екатеринбург, 2001. С. 137, 166, 175.

⁶¹ *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест... С. 92.

⁶² *Коллинз (Коллинс) С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме у другу, живущему в Лондоне // ЧОИДР. 1846. Кн. 1., Отд. III. С. 10.

⁶³ *Gmelin I.G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Gottingen. 1751. Bd. 1. S. 123-124.

⁶⁴ *Соймонов А.Д.* Песни, записанные Языковыми, в собрании П.В. Кириевского // Собрание народных песен П.В. Кириевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Л., 1977. Т. 1. С. 36.

⁶⁵ Древние российские стихотворения... М., 1977. Приложения: Комментарии. С. 443–444, 457 (написан Б.Н. Путиловым).

⁶⁶ См.: *Колесников А.Д.* Указ. соч. С. 348.

⁶⁷ См.: *Байдин В.И.* Кирша Данилов в Сибири. С. 262–263.

⁶⁸ Горелов А.А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в «Сборнике Кирши Данилова» // Русский фольклор. М., 1974. Т. 14. С. 192; см. также: Древние российские стихотворения... М., 1977. С. 457 (Комментарий).

⁶⁹ Древние российские стихотворения... СПб, 2000. С. 427 (Примечания к текстам). В ранней работе Горелова: «Песня “Там на горах наехали бухары” могла попасть к Кирше и в Зауралье: в Тобольске находилась бухарская колония (на горах – бухары), там же жили польские ссыльнопоселенцы (польская лексика)». Горелов А.А. Трилогия о Ермаке из сборника Кирши Данилова... С. 372–373. Примеч. 122.

⁷⁰ См.: Волков О.Н. Сибирские бухарцы и их торговля в XVII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С.71–72; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 63, 69, 80–81, 84–85.

⁷¹ См.: Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // ПИР. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 62–63; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. С. 84–85, 92, 94 и др.; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 142–143; Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 55–56, 57, 59 и др.; Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 37–45.

⁷² Очерки истории СССР. Период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 883. (раздел написан Н.Г. Аполловой).

⁷³ См.: Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 172–173, 178 (Табл. 21); Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVII – начале XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 131, 184–185, 199–200 (Табл. 12); Таможенная книга Пелыма за 1677/78 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2001. Вып. 4: Тюмень, Пелым. С. 117; Миллер Г.Ф. Описание города Тобольска в 1741 году //Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. Приложения. С. 235, 242; Громыко М.М. Указ. соч. С. 77, 80–81 и др. В 1670–1690–х гг. бухарские караваны эпизодически появлялись также в Красноярске и Иркутске, но затем их приходы туда прекратились. См.: Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири... С. 182–183.

⁷⁴ Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. С. 75, 90–92.

⁷⁵ Горелов А.А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 302. Примеч. 35. Исследователь ссылается на № 1 журнала «История СССР» за 1961 г. (см. там сообщение: Лебедев В.И. Неизвестные волнения при Петре I (1722–

1724 г.). С. 160). Данная атрибуция Горелова, как и расшифровка им упоминания в этой и следующей песне («Ермак взял Сибирь») в качестве одного из легендарных Ермаковых сподвижников атамана Онофрея Степанова («Анофрей Степанович». – Там же. С. 304), руководившего в 1655 г. обороной от маньчжуров Кумарского острога на Амуре, – не нашли, с сожалением, отражения в последнем научном издании Сборника 1977 г.

⁷⁶ Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 123.

⁷⁷ См.: *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест... С. 50; *Он же.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // *Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России.* Новосибирск, 1983. С. 58–59.

⁷⁸ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 75.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 236. Л. 928–931 об., 946–947.

⁸⁰ Архив НТМЗГД Среднего Урала. Ф. 11. №2. Л. 34.

⁸¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17. Л. 83 об.

⁸² См.: *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 63, 105, 176, 182, 248 и др.

⁸³ *Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 49.

⁸⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 834.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Архив НТМЗ ГД Среднего Урала. Ф. 11. №2. Л. 34.

⁸⁷ См.: *Байдин В.И.* Кирша Данилов: реконструкция основных этапов биографии // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: Конкурс грантов 2000 г.:* Сб. реф. избр. Работ. Екатеринбург, 2003. С. 24, 26–27.

⁸⁸ *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 95, 169, 171, 223, 225 и др.

⁸⁹ ПСЗ. Т. 8. № 5555. С. 275–276.

⁹⁰ *Колесников А.Д.* Указ. соч. С. 350. Дело, на которое он ссылается, мною просматривалось (ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. Л. 95 об. – 99). Но это 3–я (1763 г.) ревизия, и те «из ссыльных причисленные», которых не было зафиксировано здесь во время предшествующей подушной переписи середины 1740–х гг., в эти ревизские сказки не попали. Нет Кирши и в ревизских сказках второй подушной переписи Томского уезда середины 1740–х гг. (См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3579). Они также, к сожалению, составлены «по факту» наличия зачисленных в подушный оклад по городу, слободам и острогам ссыльных м. п. На момент переписи; «а которых провинций и городов ...того по скаскам не показано» (Там же. Л. 199 об.).

⁹¹ Древние российские стихотворения... СПб., 2000. Примечания к текстам. С. 427.

⁹² *Элерт А.Х.* Историко–географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // *Источники по истории Сибири досоветского периода.* Новосибирск, 1988. С. 74. Под летней дорогой из Восточной Сибири в Западную Миллер имел в виду водный путь с Енисея на Обь по системе их

протоков от Енисейска через Маковский острог на Нарым на Оби (и обратно). Впрочем, торговые суда, направлявшиеся из Тобольска в Енисейск, обычно останавливались в Томске. См.: *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 85.

⁹³ *Миллер Г.Ф.* Описание города Тобольска... // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник... Приложения. С. 242.

⁹⁴ *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 77, 80–81, 84–86. См. также: *Миллер Г.Ф.* Описание Кузнецкого уезда... // Сибирь XVIII века в путевых описаниях... С. 22–23.

⁹⁵ *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири... С. 184.

* «Зверь» этот долго содержался при Кольвано–Воскресенском заводе и только в феврале 1733 г. с двумя сопровождающими был отправлен в Невьянск. (Там же. С. 809). И «звери сохатые», и «барсы», и даже шубы «барсовые», и волки с соболями фигурируют как охотничья добыча в былинае «Волх [В]сеславьевич» Сборника Кириши Данилова. См.: Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 74.

⁹⁶ См.: *Каравасв М.Н., Ефимов А.И.* Прокофий Демидов – натуралист XVIII века // Природа. 1983. №2. С. 96–101.

⁹⁷ *Юркин И.Н.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 68; *Он же.* Демидовы в Туле. Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 131–132.

⁹⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3.

⁹⁹ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17. Л. 84. О М.А. Данилове см.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле... С. 82, 125, 126, 141.

¹⁰⁰ Там же. Д. 149. Л. 96 об., 97 об., 101 об.–102, 102 об., 100.

¹⁰¹ См.: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 234–236.

¹⁰² *Юркин И.Н.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства... С. 109–110.

¹⁰³ См.: История Сибири. Т. 2. С. 228.

¹⁰⁴ Инструмент этот отмечен в описи завода 1736 г.: «Барабан с чехлом холщевым старой» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 884).

* Корнило Белянчин (Белянчик) – приказчик, в начале октября 1731 г. «присланной с Нижнетагилского заводу... на коломенке с разными инструментами до Чюмышской деревни». Обрато он отплыл весной 1732 г., увозя около 1000 пудов чистой меди в штыках и 60 пудов черной меди. (Там же. С. 796, 822). Отправленная в Невьянск в 1730 г. пара маралов была, вероятно, представлена А.Н. Демидовым ко двору императрицы. На охочую до редкостей и развлечений Анну Иоанновну они явно произвели впечатление. В Тобольск, а оттуда в Кузнецкую воеводскую канцелярию посыпались распоряжения проявить «всемерное... старание... о сыске зверей-маралов... для отсылки в Санктпитебург ко двору» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2445. Л. 4 об.). Последующие отправки и покупки маралов (см. также с. 815) связаны уже с комплектованием собственных зверинцев Демидова, в частности, невянского.

¹⁰⁵ Рожков В. Указ. соч. С. 342–343.

¹⁰⁶ Черкасова А.С. «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: Исторический альманах. Екатеринбург, 1994. С. 16.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 127–128.

¹⁰⁸ См.: Шакинко И.М. Кирша Данилов и Урал // С. 146; Байдин В.И. «Последний скоморох» Кирша Данилов... С. 77–78.

¹⁰⁹ Фамицын А.С. Скоморохи на Руси. Изд.–е 2. СПб., 1995. С. 108, 110.

* Одна из первых записей текста «Фома и Ерема» сделана около 1848 г. в Екатеринбургском уезде, к которому как раз относился Невьянский завод (Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А.М.Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 709 (№ 264)). Текст опубликован в стихотворной, т.е. вполен «песенной», форме, видимо, по сборнику песен, собранных учителем Екатеринбургского уездного училища В. Простосердовым. См.: Блажес В.В. Комический фольклор в уральских рукописных сборниках XIX в. // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 47 (указанный текст в статье не рассматривается). Отмечу, что речь в данном случае идет об одной из ранних именно фольклорных записей. В лубочных картинках и рукописных сборниках XVIII в. «истории» и «повести» о Фоме и Ереме представлены достаточно широко; в рукописной традиции второй половины столетия повесть зафиксирована и на Урале, – в строгановских владениях в Прикамье. См.: Балдина О.Д. Русские народные картинки. М., 1972. С. 118–122; Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963: Предметные указатели. С. 159; Пихоя Р.Г. Общественно–политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 182.

¹¹⁰ Байдин В.И. «Последний скоморох» Кирша Данилов... С. 92.

¹¹¹ О следствии подробнее см.: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 173–177; Юркин И.Н. Демидовы в Туле... С. 104–121, 129–130. Следствие это, формально «о неплатеже десятины», касалось и многих других заводчиков. См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1071, 1085 и др.

¹¹² Шакинко И.М. Невьянская башня. С. 259–262, 264.

¹¹³ Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства... С. 19.

¹¹⁴ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 174.

¹¹⁵ Там же. С. 214. В Екатеринбург участники экспедиции прибыли 29 декабря. См.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера... Приложения. С. 149.

¹¹⁶ Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства... С. 109–110.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 129. Л. 98–99 об.; 100 об., 103; ср.: Там же. Л. 95, 95 об., 98 и др.

¹¹⁸ ПСЗ. Т. IX. № 6559. С. 292, 294; Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 174.

Разрешение Берг-коллегии 1726 г. на строительство медных заводов на Алтае позволяло А.Н. Демидову для защиты «ото всяких орд» иметь там ружья и порох, но «под смертной казнию» запрещало их продажу «неприятелям» или за границу. – *Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 53.

¹¹⁹ Вторым браком А.Н. Демидов был женат на Е.И. Пальцовой, являвшейся, как установил И.Н. Юркин, матерью всех сыновей Акинфия Никитича. О тесных связях Демидовых с Пальцовыми подробнее см.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле... С. 71–72, 161–170 и др.

¹²⁰ См., напр.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 587. Л. 220–228; Оп. 12. Д. 3124. Л. 53–54 об., 126–127; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 139 об.–140 об.

¹²¹ Г.Ф. Миллер оставался на заводе с 19 по 29 августа. См.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях... Комментарии. С. 299.

¹²² *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963. С. 54–55.

¹²³ *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С. 214. У Кафенгауза кратко пересказанное им гмелинское описание Колывано–Воскресенского завода ошибочно отнесено к 1739 г., а не к 1734 г.

* По В.Н.Татищеву, «вес, в Сибири на торгах счисляемой, три фунта». См.: *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской// В.Н.Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 182.

¹²⁴ В 1731 г., около 10 ноября, «куплено красного табаку ради колмаков в гостинцы князю Анбе на 6 [коп.]; после 16.06.1733 г. заплачено «за покупкой хлеб бухарцом 16 [коп.]» (С. 804, 809).

¹²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3124. Л. 476; Оп.1. Д. 707.С. 897. Еще летом 1728 г. из Невьянска на Колывань на двух подводах выехал Алексей Степанов Калмак, везший с собой 500 руб. на строительство завода. (С. 790, 834).

¹²⁶ *Пензин Э.А., Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 182 (Док. 1).

* Письма к Густомесову и Ефтихиеву – как раз те два из всех мне известных посланий А.Н.Демидова своим приказчикам, где они именуются полным отчеством, с *вичем*. Следует отметить, что Акинфий Никитич в тот момент оказался в сложном положении: мало того, что алтайский и строящийся в Тарском уезде заводы были у него конфискованы; чуть позже, в ноябре 1735 г., дело дошло до ареста его самого на две недели в Туле. (См.: *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле... С. 115). Не этими ли чрезвычайными обстоятельствами объясняется подчеркнутая уважительность обращения Демидова к приказчикам в тот момент? Ведь от них многое зависело.

¹²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп.12. Д. 3124. С. 946.

¹²⁸ Там же. С. 944–945. Все обстоятельства дела, следствия и копии документов см.: Там же. С. 929–946.

¹²⁹ См.: *Шакинко И.М.* Невьянская башня. С. 259.

* Демидов уехал на той же коляске, что и прибыл на Алтай. Новая «казенная», купленная и отделанная в 1733 г. взамен той, на которой в 1732 г.

Акинфий Никитич и Григорий Акинфиевич возвратились на Урал (С. 810), по-прежнему значилась в описи Кольванского завода 1735 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. С. 871).

¹³⁰ Добралась посланцы В.Н.Татищева до Кольвано–Воскресенского завода только в феврале. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 486; *Шакинко И.М.* Невьянская башня. С. 274.

¹³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3124. Л. 56. «Кожи» были куплены за 3 руб. 50 коп. 1 декабря в Томске. С учетом того, что приобретший их «демидовский работник» Савва Якимов 3 декабря еще оставался в городе (Там же. Л. 555), то уехать с Кольвани Статырский раньше середины месяца вряд ли бы успел.

¹³² См.: *Пензин Э.А., Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 181, 182 (Док. 1); ср.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3124. Л. 56.

¹³³ Какое–то количество солдат имелось с начала XVIII в. и на уральских заводах Демидовых. Но практически все они, если не считать одиночек–отставников, были сконцентрированы в Невьянске; в том же Нижнем Тагиле группа солдат появилась после раздела между сыновьями А.Н. Демидова. См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 15. Л. 70 об.–71; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1699. Л. 127 об., 181.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1505. Л. 205–248, 249–249 об.

¹³⁵ ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–148 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 587. Л. 220–228; Д. 635. С. 389–390.